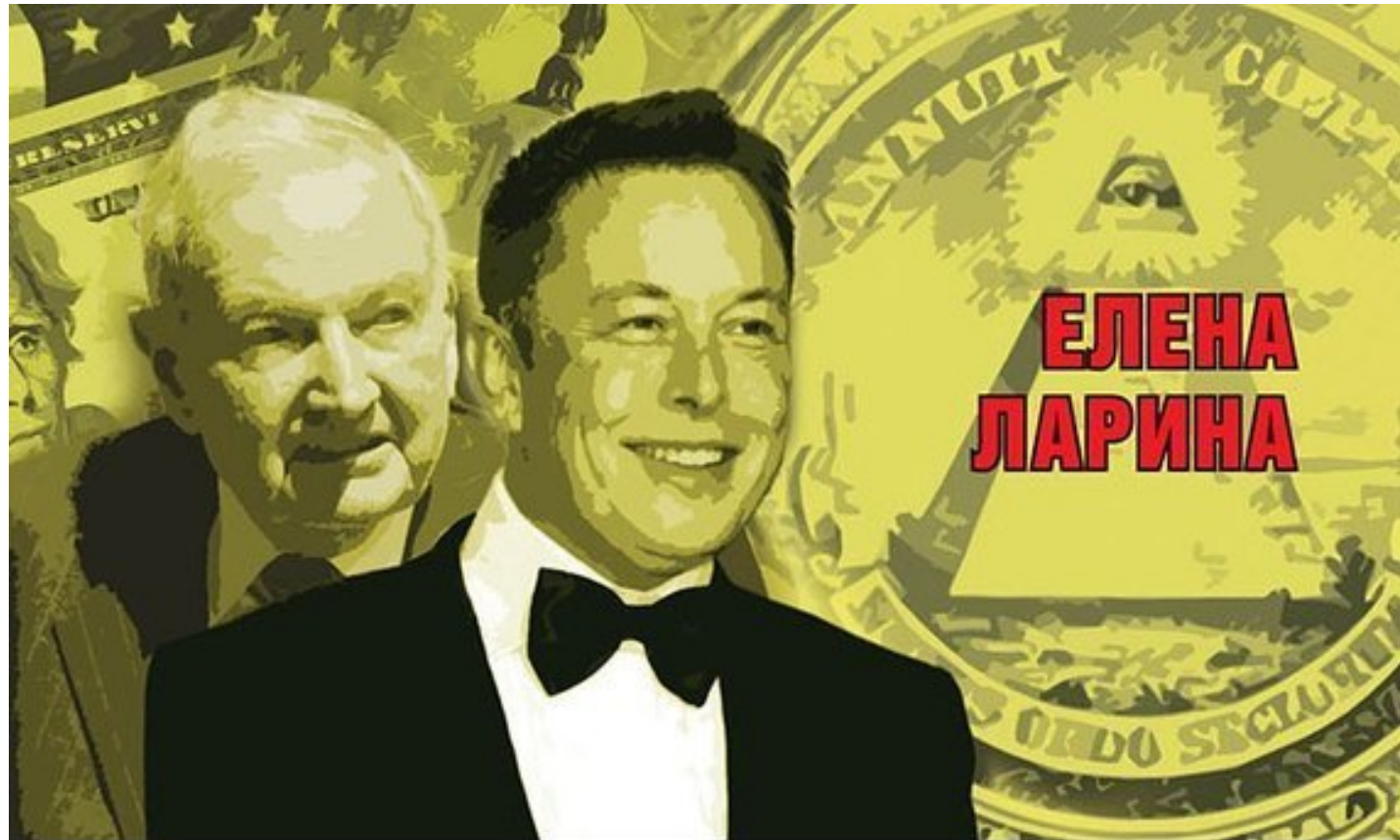

**ЕЛЕНА
ЛАРИНА**

УМНОЖАЮЩИЕ СКОРБЬ

**КАК ВЫЖИТЬ
В ЭПОХУ
ВОЙНЫ ЭЛИТ**

АНДРЕЙ ФУРСОВ РЕКОМЕНДУЕТ!

Игры мировых элит

Елена Ларина

**Умножающие скорбь. Как
выжить в эпоху войны элит**

«Книжный мир»

2016

Ларина Е. С.

Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит /
Е. С. Ларина — «Книжный мир», 2016 — (Игры мировых
элит)

ISBN 978-5-8041-0879-4

Это книга-открытие, книга-предупреждение, книга-Откровение, книга-программа. Как написал в предисловие к ней Андрей Фурсов, эта книга – «что-то вроде приема красной таблетки в фильме «Матрица». Тот, кто ее прочтет, вряд ли будет смотреть на мир по-прежнему». В центре исследования Елены Лариной – война элит и вопрос выживаемости России в новой исторической реальности – мире мятежевойны, где нет фронтов и союзников. Враг у ворот! – предупреждает автор. Война уже идет и в ней участвует каждый из нас, потому что сражения развернулись не на улицах и площадях наших городов, а в наших умах. Такова современная война – ее не видно, но она есть. Выбери красную таблетку – прочитай книгу. Ты получишь знания, умножающие скорбь, но узришь мир таким, каким он является на самом деле. Выйди из Матрицы, стань Избранным!

ISBN 978-5-8041-0879-4

© Ларина Е. С., 2016
© Книжный мир, 2016

Содержание

А.И. Фурсов	6
Хищники и чужие	7
Селектораты, доминаты и гетерархии: «всё смешалось в бурном танце»	10
Поле боя, или «Выходят на арену силачи, не ведая, что в жизни есть печаль»	12
«Радуйтесь! Это всё я, Плохиш, сделал. То-то сейчас грохнет»	15
Разруха в головах	16
Рефлексивное управление и разрушение СССР	19
В поисках иглы Кощеевой смерти	22
Новые измерения жесткого противоборства	25
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Ларина
Умножающие скорбь. Как
ВЫЖИТЬ В ЭПОХУ ВОЙНЫ ЭЛИТ

© Е.С. Ларина, 2016

© А.И. Фурсов, предисловие 2016 © Книжный мир, 2016

А.И. Фурсов

Читая Елену Ларину: заметки на полях (вместо предисловия)

Тот, кто прочтёт эту книгу, вряд ли будет смотреть на мир по-прежнему. Это что-то вроде приёма красной таблетки в фильме «Матрица». Мир действительно не таков, каким он кажется, каким нам стараются его показать псевдоаналитики, квазиэксперты и телешоумены от политики, кривляющиеся с экрана в ходе устроенного ими междусобойчика. Сборник статей Елены Сергеевны Лариной продемонстрирует насколько мир не таков. Десятка великолепных статей представляет широкую панораму мира сегодняшнего, а отчасти завтрашнего дня. В его реальности, в отличие от того, что было до разрушения СССР, грань между миром и войной пунктирна, а порой вообще исчезает – мы уже живём в войном мире, или, как я назвал такое состояние в работе «На закате Современности», в условиях всемирно-точечной мятежевойны. В кратком предисловии невозможно представить всё содержательно-смысловое богатство сборника «Умножающие скорбь», поэтому я ограничусь несколькими ударными темами, раскрытие которых у автора носит пионерный характер. Но сначала несколько слов о названии.

Известно, что фактор, умножающий скорбь, – многие знания. В то же время знания обязывают к действию, даже когда это сложно и трудно представимо. В таком случае в силу вступает принцип одного из блестящих мыслителей XX века – Антонио Грамши: «пессимизм разума, но оптимизм воли». Если попросту, то это принцип двух лягушек, одна из которых, упав в кувшин с молоком, утонула без попыток спастись, а другая билась-билась, сбила молоко в масло, оттолкнулась от него и выпрыгнула из кувшина. «Сказка ложь, да в ней намёк»: биться в любых обстоятельствах, никогда не сдаваться. Как России биться в трудных обстоятельствах – к этому вопросу автор обращается в книге несколько раз, ответом на этот вопрос она и завершает книгу. Итак – по порядку.

Хищники и чужие

В любой системе есть системообразующий элемент. В мировой капиталистической системе это мировая (капиталистическая) элита. Эта тема – отправной пункт исследования Е.С. Лариной, которая отмечает, что в глобальной сети (согласно «Google Trends» «Wordstat Yandex») стремительно растёт число запросов на английском и русском языках со словосочетаниями как «мировые элиты», «элитные войны», «правлящий класс» и т. д. Парадокс, на который обращает внимание автор, заключается в следующем: запросы по этим (да и вообще по различным темам) не следуют за событиями, а опережают их, т. е. поисковые запросы позволяют уловить будущие тенденции; иными словами, коллективное сознание и подсознание пользователей интернета как целое (интегральный эффект) оказывается более умным, а точнее, более интуитивно-чувствительным, чем отдельные аналитики или даже их сумма.

Я бы сказал, что в данном случае мы имеем дело с феноменом упреждающей-опережающей реакцией общества на те или иные события или явления, особенно усиливающейся у определённых лиц и групп в периоды кризисов, а точнее, предкризисов. Опережающе-упреждающая реакция, как говорит один из героев «Чёрной луны» О. Маркеева, проявляется по-разному – от внезапного роста самоубийств, преступности, помешательства до внезапных и неожиданных всплесков интереса к той или иной тематике. Последний, добавлю, нередко демонстрируют именно «городские сумасшедшие», чувствительные к информационно-энергетическим сгусткам и находящиеся на переднем плане роевого сознания. Интернет как целое, безусловно, имеет черты роевого сознания и даже чисто количественный анализ потока информации может вскрыть неожиданные вещи (достаточно вспомнить сюжет фильма «Три дня “Кондора”»).

Итак, запросы в интернете фиксируют надвигающуюся «бурю мечей» на «элитном Олимпе». В этом плане исключительно важен анализ складывающейся там ситуации. Е.С. Ларина категорически против упрощения этой ситуации, она показывает, что реальность намного сложнее, чем её подчас изображают.

Да, есть конкуренция (но и сотрудничество) между теми же условными Ротшильдами и условными Рокфеллерами, но, во-первых, я не случайно предварил эти фамилии определением «условные», поскольку и первые, и вторые представляют кластеры, намного более крупные, чем эти сверхбогатые кланы. Во-вторых, если до 1970-х годов со значительным упрощением можно было рассматривать элитные войны сквозь призму противостояния «двух Р», скрывающихся за ними кластеров, то в последние полвека ситуация усложнилась на порядки, а в последние пять лет – ещё в разы, причём стремительно.

Комбинируя классово-политэкономический и элитарно-групповой подходы, Е.С. Ларина членит элиты (отмечая в качестве их важнейшей черты их наднациональный характер, сформировавшийся в последней четверти XIX – в первой четверти XX в., т. е. в тот хроноотрезок, который Я. Ромейн назвал «водоразделом»), в зависимости от рода занятий, источника дохода, локации в капиталистическом способе производства. У автора получается следующая убедительная, на мой взгляд, картина. Первая группа надгосударственной элиты – «банкстеры», хозяева эмиссионных центров; те, кого ещё называют фининтерном: банки, хеджфонды, страховые компании, инвестиционные фонды. Лично мне все они очень напоминают беляевского «продавца воздуха», поскольку делают деньги из воздуха. Финансы сегодня перестали обслуживать экономику и общество; по сути этот сектор мирового хозяйства подобен раковой опухоли; точнее, организм оказывается привеском к ней: если реальная экономика (включая сферу услуг) это в денежном измерении 80 трлн. долл., то мировой финансовый рынок это 800 трлн. долл., а если учесть деривативы, то квадриллион.

Вторая группа – корпоратократы. Сюда автор относит ТНК традиционных отраслей, порождённых второй производственной революцией; здесь мы видим владельцев и топ-менеджеров нефинансовых и невысокотехнологичных секторов, высшее наднациональное чиновничество, как финансовое (МВФ, МБ), так и административно-политическое (Евро-союз). Третья группа – тот сегмент мировой элиты, который связан с высокими технологиями; называют его по-разному: «когнитариат», «нетократия», «гиконмиксы» и др. Он начал складываться в 1970-1980-е годы вокруг американских университетов в тесной связи с военным и разведывательным сообществами и развивался на государственные дотации; для него характерны венчурный капитал и коммерциализация интеллектуальной собственности через фондовый рынок.

В нынешней ситуации, как считает Е.С. Ларина, оформляется союз «гиконмиксов» с наиболее продвинутыми корпоратократами, направленный против глобальных банкстеров. Время работает против последних, отступить им некуда, поэтому на чашу весов их ставленницы в США Х. Клинтон будет брошен весь их глобальный ресурс.

Как показывает автор, большая часть XX в. – это противостояние банкстеров и менеджеров, превратившихся после Второй мировой войны в корпоратократов; по её мнению, советскую индустриализацию, проспонсированную американским капиталом, прежде всего Рокфеллерами (я бы добавил сюда и «третьерейховское экономическое чудо») – это ответный удар формирующейся корпоратократии на экспансию банкстеров – создание ФРС. Отмечу, что реальная картина сложнее: в финансировании СССР участвовал не только Форд, но и Рокфеллеры, однако у этого есть объяснение: в 1929–1931 гг. директор Центрального Банка Англии закрыл Британскую империю от «внешнего мира», т. е. от США, и Рокфеллерам пришлось вкладываться в СССР и Германию. Линию рассуждений автора можно продолжить: если «советское чудо» – это отчасти ответный удар будущих корпоратократов банкстерам, то «китайское чудо» – это ««империя банкстеров» (в основном британских и связанных с ними американских) наносит ответный удар».

Крушение СССР, по мнению Лариной, изменило соотношение сил в глобальной элите в пользу финансистов, которые благодаря этому и вдобавок прикрывшись неолибералами, взяли верх над корпоратократами и поставили их под контроль. Впереди – беспощадная внутризэлитная война за будущее, к которой могут присоединиться, кроме трёх названных групп, силовики, интернет-активисты, негосударственные организации. Последним глобальная элита отводит особое место. Анализируя работу Дж. Ная «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» (1990 г.), Е.С. Ларина чётко определила важное изменение: впервые во внешней политике США глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами; Наем не только была зафиксирована субъектность наднациональной (над- и негосударственной) элиты, но и были обозначены союзники, так сказать «субъекты по доверенности» – различные, разновеликие и разномастные акторы: общественные движения, активистские группы, политические организации и даже известные персоны **внутри** тех или иных государств, которые тем самым противопоставляются своим государствам, на которые направлены действия США.

Иными словами, Най подвёл концептуальный базис под формирование проамериканской, проглобалистской «пятой колонны» во всём мире. «Пятая колонна» – тоже игрок, но, разумеется, «шестёрочного» типа. В последнюю четверть века мы видим активность этих «шестёрок», своего рода «шакалов Табаки» при заокеанских «Шер-ханах» у нас в стране – их активность растёт одновременно с ростом враждебности их хозяев по отношению к России. Е.С. Ларина подчёркивает враждебность по отношению к России части элит США, Евросоюза и арабских стран. С этим нельзя не согласиться. А вот с чем я не могу согласиться, так это со следующим тезисом автора: «...на сегодняшний день нет достаточных документи-

рованных оснований утверждать о метафизической предопределённой изначально вражде Запада и России. Российская и мировая история показывает, что на протяжении столетий Россия враждовала и сотрудничала с самыми различными странами [...] вчерашний друг становился врагом и наоборот». Правда, в самой последней статье сборника Е.С. Ларина чёрным по белому пишет о необходимости разработки асимметричных малоресурсных оперативных мер по перехвату у **Запада** инициативы, т. е. налицо противоречие, по крайней мере, семантическое. Однако не будем цепляться к тому, что может оказаться всего лишь опиской, рассмотрим аргумент серьёзно.

Дело в том, что факт тактических ситуационных союзов между различными государствами сам по себе никак не может свидетельствовать об отсутствии изначально метафизической вражды или, как минимум, неприязненной несовместимости – «физика» вообще не может быть аргументом против «метафизики» или за неё. Да, действительно вчерашние противники и союзники могут меняться местами; да, на каждом отдельном кратко- и среднесрочном отрезке истории России ей противостоял определённый сегмент (или сегменты) элит Запада; да, в мировых войнах XIX–XX вв. Россия блокировалась с англосаксами против континенталов, а в межвоенные периоды именно с последними – Францией и Германией – налаживала отношения. Это – логика конкретных исторических обстоятельств, конъюнктура, не отменяющая базовых вещей. А они таковы. Как заметил Карл Шмитт, немцы, французы и англичане воевали между собой совершенно иначе, чем те же французы и немцы – с русскими; в первом случае это было нечто вроде внутриевропейской гражданской войны, во втором – война с чужими, варьировавшая от задачи простого отбрасывания варваров до стирания из истории, тотального уничтожения. Гитлер всегда будет ближе Западу, чем Сталин. Достаточно вспомнить фразу З. Бжезинского о том, что Запад, США боролись не с коммунизмом, а с исторической Россией, как бы она ни называлась.

С XVI в., со времён Ивана Грозного Запад поставил задачу установления контроля над Россией, причём это сделали одновременно протестанты (план Джона Ди) и католики (план Габсбургов) – с этим не поспоришь. Россия – единственная незападная страна, которая в течение 400 лет успешно отбивала агрессию Запада, нанося ему поражения; не легла под него и при этом создала не только великолепную технику, но и европейскую же, но альтернативную западной высокоразвитую культуру и науку. В известном смысле японцы, индийцы и арабы всегда будут ближе Западу, чем русские – ближе тем (или потому), что Запад давно взял над ними верх и они признали это верховенство. В России такое признание характерно только для «пятой колонны», со времён Смердякова сожалеющего о том, что умная нация не победила глупую. Поэтому, выбрав название «Чужие и хищники», я нисколько не демонизирую Запад, а констатирую, во-первых, то, что это хищническая сущность – со времён эрбинов, вырезавших всех, кто жил до них в Европе; во-вторых, то, что как пел А. Вертинский, «мы для них чужие навсегда» – т. е. метафизически. Как говорил А.Е. Едрихин (Ван-дам), хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним. Ну а «физически» в рамках такой «дружбы» можно и союзничать (временно) – ведь добились же Рузвельт и Сталин вместе Британскую империю; как говорил герой «Ва-банк», «не вижу препятствий».

Селектораты, доминаты и гетерархии: «всё смешалось в бурном танце»

Е.С. Ларина первой, по крайней мере, насколько мне известно, обратила внимание на те внутриэлитные изменения по вертикали и горизонтали, о которых в своих работах написал Буэно де Мескута (по прозвищу «Нострадамус из ЦРУ»). Попутно обращаю внимание на тот огромный массив научной литературы, включая новейшую, по самым разным отраслям знания, который Е.С. Ларина вводит в российский интеллектуальный оборот, просветительский потенциал книги не менее значителен, чем профессиональный и общеинтеллектуальный.

Де Мескута показал, что важные изменения происходят в самой глобальной элите – как по вертикали, так и по горизонтали. Автор приводит концепцию Буэно де Мескута, который показал, как на Западе в последней трети XX в. «электорат» превратился в «селекторат» (слои реально участвующие в реальном выборе исторической динамики и руководства страны), а на рубеже XX–XXI вв. «селекторат» превратился в «доминат» (автор упоминает ещё один термин – «паукратия», «власть немногих»). Доминат – результат отсечения от власти подавляющей части даже имущих слоёв и групп общества, включая значительную часть тех, кого именуют по-старому – олигархией, и сосредоточение её в руках определённых небольших по численности наднациональных группировок, между которыми складываются подвижные иерархосетевые отношения – гетерархии.

Гетерархия – это организация, комбинирующая вертикальные и горизонтальные связи, причём вертикальные связи носят гибкий характер. У меня термин «гетерархия» ассоциируется с термином «tangled hierarchy», хорошая иллюстрация последней – картина М. Эшера «Относительность», хотя, конечно же, «гетерархия» – более сложное понятие, чем tangled hierarchy. Доминат есть по сути комплекс нескольких гетерархий и реализует он себя не только внутри того или иного государства, но и на мировом уровне, где формируется иерархия, «доминат – субдоминат – квазидоминат», причём второй и третий не обязательно представлены государствами. Ясно, что субдоминат и квазидоминат суть акторы с ограниченной исторической волей.

Е.С. Ларина убедительно аргументирует то, что в Европе полным ходом (намеченный срок – 3–5 лет) идёт конструирование доминатом нового субдомината; планируемое ядро – Польша, участники – Литва, Украина, Молдавия, Румыния, большие планы у «хозяев мировой игры» на Белоруссию.

Впрочем, и у домината далеко не всё получается. Автор отлично иллюстрирует это примером провала стратегии управляемого хаоса Ст. Манна. Согласно Манну, стратегия управляемого хаоса – это инструмент для разрушения территории и ресурсных баз потенциальных кандидатов в сверхдержавы. Стратегию, придуманную этим бывшим специалистом по английскому языку, раскритиковали в Институте сложности (Санта Фе), где этой проблемой занимаются как частным случаем фундаментальной теории динамических, стохастических, нелинейных систем, рассматривая его как самоорганизующуюся критичность или режим с обострением. Однако, несмотря на критику, истеблишмент США попытался реализовать её на практике. Однако поскольку хаос можно создать, но управлять им нельзя, попытки обернулись авантюрой и провалом на Ближнем Востоке. «В мире, где пропагандисты выступают в качестве аналитиков, – комментирует эту ситуацию автор, – и обслуживают дилетантов-политиков, незнание базовых принципов используемых методов чревато разрушительными последствиями». Ещё одним примером мошенническо-провокационных методов в политике автор считает Шарпа, отказывая, однако, ему в оригинальности – у истоков этих методов стоит А.Л. Парвус (он же И.Л. Гельфанд) – авантюрист, интерлокер и блестя-

щий экономист, который учил Троцкого и влиял на Ленина (чего тот никогда не хотел признавать).

Поле боя, или «Выходят на арену силачи, не ведая, что в жизни есть печаль»

Особое место в сборнике занимает анализ тех условий, в которых разворачиваются войны элит – гетерархий и доминатов: ментальные (психоисторические), поведенческие и кибервойны. Что это за условия? Прежде всего, это третья производственная революция; она размывает средний слой; в ближайшие 20 лет до 45 % рабочих мест в сфере умственного труда займут роботы, появится масса лишних людей; само государство всё больше превращается в корпорацию – государство-корпорацию. Здесь я должен заметить, что следующим шагом будет превращение государства-корпорации в корпорацию-государство, описанную мной в 2006 г. в журнале «Эксперт». Мы имеем дело с той же динамикой, которая когда-то превратила государство-нацию XVIII в. в нацию-государство в XIX–XX вв. с существенной, правда, разницей: тогда это был путь вверх, к расцвету государства, сейчас – вниз, к его уничтожению.

Гибель государству несёт и второй фактор, определяющий арену элитной борьбы – реформирование глобального политико-экономического пространства. Автор прямо указывает на создание Транстихоокеанского торгового партнёрства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства (ТТИП). Е.С. Ларина обращает особое внимание читателя на то, что оба партнёрства формируют единую техническую нормативную зону и среду технической регуляции (стандарты) – единый «глобтехнадзор», а также независимую от национальных государств судебную систему. Обе зоны охватят более 60% мирового ВВП, 80 % мировых финансовых рынков, более 90 % патентов и ноу-хау.

Кто-то может здесь возразить: но ведь есть БРИКС, ведь есть Россия и Китай; наконец, есть альтернативный проект глобального и евразийского развития Китая, аж два шёлковых пути – наземный и морской, так сказать, Китай «на суше и на море». На самом деле, не стоит обольщаться. Хотя Китай остаётся за пределами Транстихоокеании, это, однако, не означает его конфликта ни с ней, ни с США. Автор «Умножающих...» специально подчёркивает, что, во-первых, КНР и США не являются долговременными стратегическими противниками, и Си Цзиньпин категорически отказывается вступать с кем-либо в союзы, направленные против США; во-вторых, определённой части американской элиты в условиях уменьшения политических и финансовых возможностей США, их де-факто поражения в Ираке и Афганистане и провале в Северной Африке КНР видится в качестве регионального (Центральная Азия, часть Юго-Восточной Азии) субгегемона. Надежды на развёртывание широкомасштабного («глобального») конфликта КНР и США явно преувеличены, а вот оба китайских «шёлковых пути» (сухопутный и морской, особенно первый – «китайская Евразия») могут стать средством и зоной соединения двух мировых проектов кластера ТНК под названием «США», а точнее, мировой верхушки в целом, кланы которой договорятся, выстроив три мировые зоны, почти по Оруэллу, только Океания с запада и востока охватывает Евразию, разделённую на собственно Евразию и Остасию. Не надо забывать, что Китай с конца 1970-х годов в значительной степени был ротшильдовским проектом и при всей своей значимости и автономии прекрасно вписывается в западный глобальный проект, выполняя в нём ряд очень важных для западных элит функций. Что же касается самых верхних кланов, как это, например, сделала в Европе буржуазия и аристократия после революции 1848 г., верхние кланы всегда готовы объявить «водное перемирие», и только не принадлежащие к ним расплачиваются в случае нарушения правил кровью, иногда – в течение нескольких поколений (весьма поучительна в этом плане история клана Кеннеди, бросившая вызов «олимпийцам»).

Не всё просто и с БРИКС, страны которого якобы строят якобы новый мировой порядок. Последнее уже почти даже не смешно. БРИКС – это сегодня уже РИК: «Б» упало, «С»

пропало, как и можно было предположить: «А» и «Б» сидели на трубе... Да, в 1995 г. БРИКС давали 10 % мирового роста, а в 2015 г. – 30 %. На чей рост работает эта амальгама стран? Что касается «нового мирового порядка», альтернативного глобальному Pax Anglosaxonica, якобы планируемого (Б)РИК(С), то задаю вопрос: где проходят конференции БРИКС? Ответ: в Вашингтоне. Кто разрабатывает планы развития для стран БРИКС? Ответ: МВФ. 19 мая 2015 г. заместитель директора-распорядителя МВФ Минь Чжу заявил, что экономический рост стран БРИКС – это результат сближения показателей развития этих государств и самых развитых стран мира. Он даже назвал это **«конвергенцией под эгидой МВФ»**. Комментарии излишни.

Понятно, что Транстихоокеания будет оказывать серьёзнейшее воздействие на государство КНР, и это ставит перед руководством страны трудную и сложную проблему: как сохранить государственность, вписываясь при этом в глобальный миропорядок, конструируемый по планам Запада, в которых государству, мягко говоря, отводится всё меньше и меньше места. Это видно по тому, как меняется ситуация с одной из важнейшей, если не самой важной подсистемой государственного организма – подсистемой защиты, политико-экономическим иммунитетом. Происходящее со спецслужбами и вооружёнными силами государств свидетельствует о том, что глобальные элиты, если называть вещи своими именами, добивают государство в глобальном поле и «частные спецслужбы» ЧВК теснят армии государств. Е.С. Ларина приводит следующие цифры: на сегодняшний день крупнейшие ЧВК по своей мощи превосходят армии государств из третьей десятки; 70 % деятельности американского разведсообщества выполняется частными подрядчиками. Что это, если не частичная приватизация госмонополии на разведдеятельность? Впрочем, добавлю я, С. Хантингтон (тот самый, который написал «Столкновение цивилизаций» и о котором не следует судить по этой работе; как исследование она провальна, но в том-то и дело, что это не исследование, это мем, концептуальный вирус психоисторического, а не научного порядка и в этом качестве успешен – ведь все начали повторять идиотский тезис о столкновении цивилизаций) ещё в середине 1970-х годов опубликовал доклад, в котором показал, как крупнейшие спецслужбы Запада постепенно переориентируются с государства на транснациональные корпорации. Тогда же резко активизировалась переориентация спецслужб на наднациональные структуры, с которыми до этого они просто «дружили», сохраняя национальную окраску.

Ударную силу глобальных элит составляет военно-разведывательно-финансовый комплекс США. Он организует и ведёт как финансово-экономическую войну, так и войну за умы, причём делает это очень давно. Так, напоминает автор, в 1956 г. ЦРУ была проведена первая серьёзная финансовая операция – атака на британский фунт во время Суэцкого кризиса: американцы выбивали британцев с Ближнего Востока. В конце 1960-х – начале 1970-х годов была проведена атака против Советского Союза, точнее, против академика В.М. Глушкова, реализация системы (ОГАС) которого выводила СССР в отрыв от США в управленческо-производственной сфере. «Washington Post» (США) и «Guardian» (Великобритания) опубликовали провокационные статьи, компрометировавшие Глушкова в глазах советской верхушки: «Перфокарта управляет Кремлём» и «Цифра сменяет Ленина»; почти синхронно (в 1972 г.) в одном из номеров «Известий» за подписью руководства Института США и Канады АН СССР появилась статья «Уроки электронного бума», в которой утверждалось (лживо, конечно), что США отказались от развития ЭВМ; глупость это или сознательная акция «пятой колонны» – открытый вопрос; я полагаю второе.

Нельзя не согласиться с автором в том, что большим успехом США в «интеллектуальной войне» против СССР и РФ является эмиграция наших талантливых исследователей в США. Разумеется, в основе этого лежат материальные успехи США и погром советской науки в постсоветской РФ, продолжающийся до сих пор – достаточно почитать о деяниях

пресловутого ФАНО. И всё же на выходе – успех в борьбе за умы. В работе приведён убийственный факт: в Силиконовой долине работают 350 тыс. учёных – выходцев из России – программисты, инженеры, биологи; русская диаспора – вторая по оплачиваемости в США после еврейской этнической диаспоры (добавлю: бурно прогрессирует иранская диаспора). Эти эмигранты становятся точками кристаллизации для следующих групп эмигрантов.

«Радуйтесь! Это всё я, Плохиш, сделал. То-то сейчас грохнет»

Американцы активно ведут войну за умы на чужой для них, т. е. на нашей территории. В книге приведён очень яркий пример, привожу его полностью в цитате. «В рамках жёсткого противоборства с Россией в поведенческой сфере американское разведывательно-образовательное сообщество осуществляет в школах Московской области реализацию программы “Подготовка агентов изменений среди учителей средней школы” – Teach For All. Официальная цель программы – изменение снизу российской школы и общества в целом в соответствии с либеральными ценностями. Административную поддержку проектов осуществляет Министерство образования Московской области. Финансирование за счет различных источников, связанных с американским разведывательным сообществом, будет с учетом российского закона “Об иностранных агентах” осуществляться скрыто, через российские юридические лица. Эти юридические лица будут направлять деньги в благотворительный фонд, который зарегистрирован как исключительно российское юридическое лицо. Общий патронат над программой осуществляет Лидия Антонова, сенатор Совета Федерации, член его Комитета по науке, образованию и культуре от партии “Единая Россия”. Адаптацию программы для конкретных российских условий осуществляет крупнейшая международная консалтинговая компания, крупный подрядчик Пентагона и американского разведывательного сообщества The Boston Consulting Group. Компания в настоящее время осуществляет ряд крупных проектов, связанных с американским военно-разведывательным сообществом более чем в 30 странах мира в сфере политики, экономики и социальной жизни. За отбор кандидатов для участия в программе отвечает известная международная рекрутинговая компания The Odgers Berndtson.

Odgers Berndtson, являющаяся мировым лидером в подборе руководителей высшего звена, проведет отбор кандидатов среди лучших выпускников лучших российских ВУЗов в соответствии с запросами Teach For All. Затем, после выявления подходящих, их кратко обучат основам педагогики, устроят к детям в школы, приплатив дополнительно по 35000 руб. к зарплате каждый месяц, и в течение последующих двух лет будет обучать и тренировать по методикам Teach For All, штампуя “лидеров” американского образца для российского общества. Далее их ждет продвижение, следующий этап более серьезной работы, которому поспособствуют уже работающие в системе образования агенты изменений».

У меня возникает вопрос: а куда смотрит ФСБ, СБ, администрация президента, наконец? Как относятся к этому Совет Федерации и Госдума?

Нет ответа. А ведь враг не у ворот, он уже в городе – ворота ему открыли, и «троянского коня» в виде образовательной инициативы внесли. Плохиш уже чиркает спичками.

Разруха в головах

Расколдовывание мира, устранение неосознанности происходящего – одна из важнейших задач, особенно в РФ, где – я совершенно согласен с Лариной – «произошла когнитивная катастрофа», т. е. возникла ситуация, когда человек или группа по психологическим причинам из-за неверных когнитивных стратегий не могут воспользоваться имеющимися знаниями для постановки и решения сложных задач и идут на редукцию системных уровней к доступным им низшим, более простым уровням. Единственное, но очень слабое утешение заключается в том, что как заметил в статье «25 потерянных лет» процитированный Е.С. Лариной П. Тиль, последние 25 лет – время не прогресса, а регресса во всём мире, за этот период не произошло никаких сдвигов в энергетике, создании новых материалов, технологии производства, типов организации. Ну а интернет, добавлю я, на самом деле был изобретён значительно раньше – в 1980-е годы, только тогда он так не назывался.

Возвращаясь к РФ, действительно, если сравнить её с СССР, то последний был намного более сложным, высокоорганизованным и низкоэнтропийным социумом по сравнению с РФ; не случайно правящий слой РФ начиная с ельцино-гайдаро-чубайсов пошёл на сознательную примитивизацию экономики, общества в целом и отдельных его сфер; особенно это очевидно в сферах науки, образования и медицины. И даже по сырью РФ – второразрядная по сравнению с СССР держава. В 1990 г. СССР обеспечивал на мировом рынке 16 % продаж нефти и 29,7 % газа; РФ в 2005 г. – соответственно 12,6 % и 16,7 %. Так кто же тут «великая энергетическая держава»? Но это – к слову.

У меня создаётся впечатление, что нынешний человеческий материал (социо-биоматериал), сформировавшийся за последние 25 лет, не способен творчески использовать достижения советского периода в их сложном виде, только при предварительной примитивизации их. Поэтому целый ряд ошибок политиков, экономистов, аналитиков связан не только с непрофессионализмом, но и с более серьёзными причинами цивилизационного (социо- и культурантропологического) порядка. И как же им не быть связанными, если вспомнить «методологический подход» к образованию РФ, сформулированный А.А. Фурсенко, который порок советской школы усмотрел в том, что она готовила человека-творца, тогда как задачу школы РФ он видел в подготовке квалифицированного потребителя, способного пользоваться плодами чужого труда. Иными словами, речь о примитиве, которому «властелины сложного мира» швырнут «кость» со своего стола.

Проблема, однако, в том, что пассивный потребитель способен потреблять только примитивное, и рано или поздно он деградирует, превращаясь в дуболома. А представим социальное (геополитическое, военное) столкновение «потребленцев», которых должна, по замыслу экс-министра, готовить школа, и «творцов»? Ясно ведь, на чьей стороне будет победа! Картина маслом: дуболомы Урфина Джюса терпят поражение вместе с вымуштрованным их обердуболомом Ланом Пиротом.

Если футуроархаизация – это упрощение на основе сложных технологий, то упрощение, стихийное или сознательное, из-за неспособности или, что еще хуже, нежелания использовать накопленные социальные достижения – это неоварваризация; частный случай последней – замена содержательных специалистов или, как говорили до революции, «лица полезных профессий» менеджерами с юридическим («оптимизаторы») или экономическим («продай-купи») уклоном. В сохраняющем индустриальный облик социуме это чревато ростом техногенных катастроф (типа той, что произошла на Саяно-Шушенской ГЭС), которые со временем способны кульминировать в одну Катастрофу, но уже не только техногенную – это хорошо описано О. Маркеевым в «Неучтённом факторе».

Неспособность использовать, неспособность оценить как закреплённый навык ведёт к серьёзным ошибкам. Три примера такого рода приводит Е.С. Ларина в статье «Нефтяные войны». Первый пример. В 1980-е годы в Новосибирске создали технологию добычи вторичной нефти (себестоимость – 8-12 долл, за баррель), однако попытки изобретателей достучаться до нефтяных магнатов в 1990-е годы ни к чему не привели – зачем нововведения тем, у кого есть пила и бабло? Как сказал один из главных приватизаторов по другому поводу, зачем всё усложнять, мы и так всё украдём; кража, это помимо прочего, результат неспособности созидать сложное или, по крайней мере, пользоваться им. В результате в те же 1990-е годы технология оказалась в США, где теперь она активно внедряется.

Второй пример: хотя было ясно, что с началом украинского кризиса цена на нефть по команде «хозяев мировой игры» обвалится, никаких упреждающих шагов сделано не было. «Только безответственность аналитических подразделений российских нефтяных компаний привела к колоссальным потерям бюджета РФ из-за того, что ни сами компании, ни бюджет оказались не готовы к неизбежности резкого падения цен на нефть, т. е. американцы повторили то, что в середине 1980-х годов организовал У. Кейси по отношению к СССР». Урок не выучен. Опять двойка и проигрыш в финансово-экономической войне.

Третий пример. Российские аналитики полагают, что если цена сланцевой нефти будет ниже её себестоимости, то сланцевой индустрии США – конец. Ошибка, констатирует автор: аналитики не учитывают, что ФРС эмитируют доллары, и американские банки под предлогом необходимости обеспечить национальную безопасность, могут кредитовать кого угодно на длительный срок даже под отрицательный процент.

Прогноз Е.С. Лариной невесёлый: если учесть, что, во-первых, впереди – очередной циклический кризис капсистемы; во-вторых, себестоимость сланцевой нефти 20 долл, за баррель (вспомним также 8-12 долл, за баррель вторично добываемой нефти), то сверхнизкие цены скорее всего «уберут» Венесуэлу, Канаду, Нигерию, Иран и Россию, а сам кризис ударит по Китаю, Вьетнаму, Индии и Турции, что ещё более усугубит российскую ситуацию.

Е.С. Ларина напоминает аналитикам, что цена нефти определяется не рынком – никаких рынков в современной экономике нет. Цену на нефть, как показывает автор, формируют 9 банков (6 США, 1 британский, 1 немецкий и 1 швейцарский), а определяется она: а) ценой на «бумажную» нефть, давно оторвавшуюся от нефти «физической»; б) изменениями в производстве сырой нефти, её себестоимости; в) факторами, лежащими на стороне спроса на нефть. Решающую роль здесь играют 9 маркетмейкеров и стоящие за ними элиты, диктующие цены на нефть в зависимости от политических целей в конкретной ситуации (людям с гешефтно-рыночными установками это трудно понять); «нынешний финансовый рынок – это казино с игровыми автоматами, определённым образом настраиваемыми хозяевами». Поэтому неудивительно, что в условиях кризиса и замедления экономического роста у маркетмейкеров растут прибыли.

Примеры с ошибками из нефтянки я бы дополнил историей с антидопинговой кампанией против России. Здесь ошибки чиновников-неоварваров – одна на другой. Сначала зачем-то подписали договор с WADA, хотя, например, американцы её на порог не пускают. Затем, когда уже полгода назад было ясно, что развёртывается антироссийская политическая кампания на почве спорта, чиновники предпочитали затаиться, полагая: пронесёт. Не пронесло. А затем начались «танцы с драконами»: воинственные заявления для внутреннего употребления и позиция «чего изволите – мы готовы к сотрудничеству» (т. е. к публичной порке) – для внешнего. Ясно, что данная кампания – только начало, за этим последуют действия на «футбольном направлении». Какие действия предприняты? Ясно также, что накат на Россию по спортивной линии – это игра только на одной клеточке, это лишь одно звено в цепи, которой размахнулся противник. И отвечать нужно максимально жёстко и асимметрично.

Второй пример рефлексивного управления, бьющего по РФ, – это цифровой активизм как новый инструмент глобальных элит в борьбе против таких государств, как Россия, Китай, Иран. Поскольку цифровые активисты привержены либертарианству и не признают приоритета национального права над международным, их легко натравить на то или иное государство. В течение 2015 – первой половины 2016 г., пишет автор, определённые группы транснациональной элиты приступили к проведению целенаправленной политики на создание системы неявно рефлексивного управления цифровыми активистами, превращая их из субъекта в объект, в инструмент достижения своих целей. В среду цифровых активистов внедрили концепцию о вредности государства, особенно такого, как в России, а также в Индии и Иране.

Рефлексивное управление – один из видов интеллектуальной (психоисторической) войны – войны за интеллектуальную власть. В сборнике приведена интересная информация: по инициативе Х. Клинтон в Центре стратегических и международных исследований, где верховодят такие персоны как Дж. Най и Р. Эрмитидж, создана Комиссия по интеллектуальной власти. И если ум оказывается средством борьбы, то остаётся делать то, к чему призывал А.А. Зиновьев – «переумнить Запад»; на мой взгляд, книга Е.С. Лариной проходит именно по этому высшему разряду, тем более, что у любого Кощея есть секрет его смерти – игла, надо её только найти и сломать.

Рефлексивное управление и разрушение СССР

Один из методов, используемых верхушками Запада против России (впрочем, не только против неё), – рефлексивное управление. Одним из основных разработчиков этого метода был эмигрировавший из СССР в 1970-е годы В. Лефевр. Цель рефлексивного управления – заставить мишень реагировать на действия «игрока» так, как это ему нужно – это как кручёная подача в теннисе: подающий знает, куда будет отбит мяч и ждёт его у сетки, готовясь заработать очки.

Е.С. Ларина приводит два примера. **Первый** – манипуляции с термином «холодная война». В последние годы и у нас, и на Западе заговорили о «новой холодной войне». Мне уже приходилось писать, что нет ничего более ошибочного, чем перенос на нынешнюю ситуацию сути советско-западного, т. е. антикапиталистическо-капиталистического противостояния. Холодная война была противостоянием двух систем, двух идеологий, двух мировых проектов будущего. На сегодняшний день у РФ нет идеологии, значит, не может быть и проекта будущего; что касается социальной системы, то в РФ провозглашён капитализм как на Западе. Внешне это больше напоминает дореволюционное противостояние Российской и Британской империй, и неважно, что США являются ядром неоимперии, а РФ империей не является. Суть противостояния от этого не меняется – это не схватка проектов. Но если российские аналитики, употребляя этот термин применительно к нынешней ситуации ошибаются, то в случае с нашими западными оппонентами, подчёркивает Е.С. Ларина, это не ошибка, а целенаправленное семантическое воздействие на аналитическое сообщество и правящий класс России, по сути, это рефлексивное управление, создающее ложную картину и провоцирующее на ошибочные действия – в ущерб России и к выгоде Запада.

Здесь хочу обратить внимание ещё на один вопрос, трактовка которого Е.С. Лариной вызывает у меня серьёзные сомнения. По её мнению, разрушение СССР – не результат поражения или предательства элит, а следствие того, что СССР первым вступил в системный мировой кризис индустриальной системы, т. е. разрушение СССР – это начало разрушения индустриальной системы.

То, что падение СССР – это «стук Судьбы» в «дверь Запада», – центральный тезис опубликованной по-русски в 1996 г. моей работы «Колокола Истории»; но не индустриального Запада и не мировой индустриальной системы – такой не было. Была капиталистическая система (и есть, только без системного антикапитализма СССР). Индустрия – понятие хозяйственное, фиксирующее специфику труда, т. е. отношения человека к присваиваемой им природе. Термины «капитализм», «капиталистический» характеризуют отношения людей друг к другу по поводу присваиваемой ими природы в процессе этого присвоения, т. е. производственные отношения. В кризис в конце XX в. вступила не индустриальная система, а капиталистическая; антикапитализм, не сумевший, несмотря на имевшиеся в середине 1960-х годов возможности создать адекватную ему постиндустриальную систему управления и производства, рухнул не из-за кризиса индустриальной системы, а из-за неспособности создать адекватную себе систему производства – кто не идёт вперёд, тот катится назад; покатиться, по злой иронии, помогла нефть.

Растущая неадекватность правящей элиты советскому обществу и миру в целом активно использовалась, а затем стала направляться социосистемным антиподом. Не случайно же М. Олбрайт главную заслугу Буша-старшего определила как «руководство распадом Советской империи». Преувеличение – да, но принцип схвачен верно: Запад сумел провести десубъективацию советской верхушки, её децефализацию, став в какой-то момент, именно тогда, когда горбачёвская верхушка всё больше стала походить на мечущуюся курицу с отрубленной головой – в значительной степени её головой. Что до индустриаль-

ной системы, то она существует до сих пор. Накопив слишком мало «жирка», системный антикапитализм стал первой жертвой кризиса капитализма – Маркс называл такие ситуации «язычник, чахнувший от язв христианства». Это первое.

Второе. Я не случайно употребил слово «жертва». Системному антикапитализму активно помогали слететь в пропасть определённые сегменты верхушки мирового капиталистического класса (и их подельники в СССР, «плохиши», «записавшиеся в буржуинов»), и поскольку горбачёвская команда капитулировала (2–3 декабря 1989 г. на Мальте, а по сути раньше), имея «под руками» промышленную державу с ядерным арсеналом, то это и предательство, и поражение.

СССР в 1970–1980-е годы переживал структурный кризис, горбачёвские «реформы» и внешние воздействия превратили его в системный, т. е. такой, когда система не может решать свои проблемы и воспроизводить себя на собственной системной основе, а потому должна умереть. «Перестройка» открыла внешнему миру и так слабо сбалансированную систему, а как известно, в такой системе нарастают хаотические колебательные процессы, которые невозможно объяснить одними внутренними закономерностями. Что касается внешнего фактора, то в такой ситуации достаточно небольшого внешнего воздействия для того, чтобы процесс разрушения стал необратимым. А если правильно выбрать точку нанесения удара, то смерть неминуема. В СССР такой точкой в силу особенностей системы это было высшее руководство КПСС, А.А. Зиновьев сформулировал это следующим образом: «Как иголкой убить слона», т. е. куда воткнуть иголку. Его ответ ещё до прихода Горбачёва к власти был прост: генсек. Использование самой КПСС для разрушения системы сверху и было таким «убийством слона». А.Н. Яковлев откровенно сказал, что они («прорабы перестройки» – могильщики системы) «использовали дисциплину тоталитарной партии для её разрушения» и что – внимание! – экономических предпосылок для системного кризиса не было – они были созданы «перестройкой».

Ещё одна особенность открытых несбалансированных систем заключается в том, что меняется соотношение закономерности и случайности. С одной стороны, вовсе не обязательно являющиеся необходимыми, закономерности обретают это качество; с другой – они как бы уравниваются со случайностями – на недолго, на «миг-вечность» (О. Мандельштам). В результате революция Чиполлино происходит от того, что его отец Чиполлоне наступил на ногу принцу Лимону. Конечно же, в основе всего – система Лимона, в которой воры и убийцы сидели во дворцах, а честные люди томились в тюрьме или страдали, как кум Тыква со своим домом. Но революционной закономерностью обернулся случай отдавленной ноги принца (хочу обратить внимание: после 1991 г. «Чиполлино» как по команде исчез из радио-передач и с экранов ТВ – вот что значит классовое чутьё!).

В-третьих, в последние годы появились работы, в которых делаются попытки объяснить разрушение СССР в терминах «големов», «повышения энтропии» и т. п. Этот подход представляется эвристически плодотворным и способным уточнить целый ряд наших представлений, подводя все системы к одному знаменателю. Проблема, однако, в том, что социальные системы разнокачественны (капитализм, антикапитализм, феодализм и т. д.) и улавливая лишь то общее, что присуще всем кибернетическим системам – от человека до утюга – мы мало что поймём в их жизни и смерти. Акула, ихтиозавр и дельфин имеют внешне схожие очертания и живут в воде, однако, они относятся к разным классам живых существ. Системный антикапитализм был разрушен с использованием имманентных только ему противоречий, обусловленных таким объектом присвоения, которого не было в других системах. Кризис и гибель феодального «голема» были иными, иной будет и гибель капиталистического «голема».

Одно сходство можно отметить – предательство элит, но в каждом случае оно будет различным из-за различной, особой формы взаимодействия внутренних и внешних факто-

ров. В случае с СССР эта особенность была обусловлена уникальной спецификой социума – его генетически и функционально негативным («анти-») качеством по отношению к капитализму; а это, в свою очередь, результат уникальной особенности капитализма как единственной системы, способной существовать и со знаком «плюс» и со знаком «минус». Именно в этом – основа и секрет межэлитного взаимодействия СССР и Запада. Политэкономия этого взаимодействия – part and parcel теории капитализма и системного антикапитализма; более того, она способна стать концептуальным мостом между теориями двух этих систем.

Именно указанное качество СССР как антикапитализма, наложившись на исходно недружественное религиозно-цивилизационное несходство, ещё более усилило тотальность, метафизичность последнего: **целиком** капиталистический Запад против антикапиталистической России как целостности. И последнее: если норма капсистемы в её зрелом, здоровом состоянии – её «плюсовоминусовое» состояние, то выпадение «минуса» под воздействием «плюса» означает её скорую гибель. Посчитавшим себя победителями в 1991 г. буржуинам можно ответить строками Н. Коржавина: «Но их бедой была победа – / За ней открылась пустота». Но пустота, повторю, не некой индустриальной системы, а капиталистической. Изображение гибели СССР как кризиса индустриализма не просто упрощает реальную ситуацию, а выворачивает её наизнанку.

В поисках иглы Кощеевой смерти

Скорбный вопрос, возникающий в ходе чтения «Умножающих скорбь»: что можно противопоставить всей этой мощи, этой махине, которая уже четыре сотни лет катится по миру? Чем и как унять широко шагающего молодца? Можно, конечно, поднять руки, но это неправильно – не по-русски это. По-русски – это сказать: «Подавишься, Идолище Поганое», и метнуть в него его же ножом. Даже если враг силён и прёт свиньёй – как тевтоны на льду Чудского озера в 1242 г. или их потомки немцы летом 1941 г. 700 лет (без одного года) спустя. Напрашиваются примеры из кино, в частности, из фильма «Чапаев», где главный герой, говоря о психической атаке каппелевцев, произносит: «Психическая? Ну хрен с ней, давай психическую!». Из литературы – «Улитка на склоне» А. и Б. Стругацких. В финале книги её герой, Кандид, понимает, что жители местности, в которую он попал, обречены: «Обречённые, несчастные обречённые, – размышляет Кандид, – но не знают, что они обречены (так и вспоминается ставшее бессмертным: «Денег нет, но вы здесь держитесь, счастья вам, здоровья». – А. Ф.), что сильные их мира... уже нацелились в них тучами управляемых вирусов, колоннами роботов, стенами леса, что всё у них уже предопределено (так и вспоминается: «Глобализация – объективный процесс, который нельзя отменить, надо в него встроиться» – А. Ф.) и – самое страшное – что историческая правда... не на их стороне, они – реликты, осуждённые на гибель объективными законами, и помогать им – значит идти против прогресса, задерживать прогресс на каком-то участке фронта».

Кандид, однако, наплевал на **такой** прогресс, объективный только в одном смысле – в смысле интереса «хозяев жизни». Его фраза: «Это не мой прогресс» и его готовность стать камешком, на котором «машина прогресса» сломается, отражают позицию субъекта по отношению к системе – субъектной нравственности (нравственной субъектности) по отношению к «объективной системности», она же – «системная объективность». Закономерности не бывают плохими и хорошими, они вне морали, но я-то не вне морали, рассуждает дальше Кандид. Он вытаскивает скальпель и идёт к окраине леса. Таким образом, предполагается, что он предложит решение «хирургическое, только хирургическое».

Вдогонку уходящему Кандиду хочу сказать об «обречённых прогрессом», точнее, процитировать замечательного, переведенного у нас с запозданием на сорок лет социолога Баррингтона Мура. Он писал, что социальные революции рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот должны сомкнуться волны прогресса – Мур имеет в виду прогресс буржуазный.

В сухом остатке: никакая огромная машина, в том числе социальная, не является неуязвимой для действий извне и изнутри (а ещё лучше – их комбинации); это вдвойне так для эпох, когда рушатся социальные миры и звонят Колокола Истории и идёт пересдача Карт Истории, когда козыри уже ухватил противник.

На что же рассчитывает и что предлагает в такой ситуации Е.С. Ларина в борьбе за сохранение нашей идентичности и субъектности? Рассчитывает она на умение России выходить из безвыходных ситуаций (подтверждено историей, но не гарантировано навечно), на раскол западных элит (надо его использовать и углублять), на наличие в РФ до сих пор уникальных социальных, гуманитарных, технических и других технологий. Но это – намерения, а как учил нас Сталин, есть логика намерений и логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений. Условием победы над обстоятельствами или, хотя бы постановкой их на службу себе, т. е. работы по принципу дзюдо, автор считает прежде всего трезвый взгляд на мир и на нашу ситуацию в нём, сколь бы неприятной и уродливой она не была, ведь говорил же Мартин Лютер, что дух Истины болезнетворен. На ситуацию, как подчёркивает Е.С. Ларина, «нужно смотреть открытыми глазами, не выдавать желаемое за

действительное и принимать вещи такими, какие они есть на самом деле, а не такими, о каких мечтают». Казалось бы, очевидная вещь, но ведь как много у нас аналитиков, которых О.А. Арин называет «еслибистами», уверенными, например, в возможности создания антиамериканского союза с Китаем и Индией, в том, что «загадочная русская душа» – сама по себе залог успеха. (Напомню в связи с этим тезис А.А. Зиновьева: русская душа – это русский бардак, перенесённый в одну, отдельно взятую голову; несколько однобоко, но с **одного** бока верно.)

Итак, первое условие найти адекватный ответ – не ловиться на миражи «Еслибляндии» (О.А. Арин) типа «БРИКС – это новый мировой порядок», «мы уже живём в многополярном мире». Надо не повторять эту мантру, а работать на создание многополярного мира. Как? Автор считает необходимым найти такие социальные и технические меры, которые способны повысить турбулентность и неустойчивость технопроизводственной платформы современного Запада и привести к негативной динамике и дисбалансированности в финансовой (рынки), социально-экономической и политической сферах, вызвав, в конечном счёте, потрясения. Причём меры эти должны быть не просто эффективными, но малоресурсными (*small is beautiful*), асимметричными, непросчитываемыми для противника, десубъективирующими его и маскируемыми под мирные. Например, в сфере образования это может быть полипрограммная образовательная инициатива, нацеленная на вытеснение внедрившихся в последние 25 лет в нашу систему «вирусные» идейно-пропагандистские программы Запада, разрушающие творческий, интеллектуальный и цивилизационный потенциал России. Если учесть, что малые воздействия на систему могут порождать очень большие последствия, то малоресурсность оказывается тем самым «оно».

Здесь, правда, есть одно «но». Я ни в коем случае не против сформулированной Е.С. Лариной программы действий, я за то, чтобы тщательнее. Как пел А. Галич: «Начал делать, так уж делай, чтоб не встал» (с земли). Поясню. Потрясения потрясениям рознь. В 1919 г. мир-революционное руководство Советской России приняло на вооружение тезис «чем хуже, тем лучше», т. е. чем острее международная обстановка, тем лучше для большевистского режима. Однако в 1933 г. стало ясно, что это контрпродуктивно, руководство СССР устами М. Литвинова (доклад на IV сессии ЦИК 29 декабря 1933 г.) изложило новый подход: коллективная безопасность, налаживание контактов с западными плутократиями и т. д., ситуация изменилась. Не всякая дестабилизация, скажем так, позитивна. Не ударит ли она по дестабилизатору больше, чем по объекту его действий? Важно, кто сорвёт её наибольшие плоды. Многие радовались, когда рухнул Рим, а потом – смотрите, кто пришёл – мало не показалось. Другое дело, что Рим сам вырастил своих убийц и могильщиков – так же, как это сегодня делает постзападная и постхристианская неоимперия «Запад». Там уже посредством миграции осуществляется кошмар А. Тойнби-младшего – «союз внутреннего и внешнего пролетариата», только Тойнби думал о примате первого, а мы видим подавляющее превосходство и фактический ультиматум второго. 950 млн. мигрантов, которые пророчит Европе к 2050 г. Г. Хайнзон в недавно вышедшей книге – это скорее всего маловероятно, однако и 1 млн. молодых, социально злых, расово-, этнически и религиозно чуждых европейцам арабов и негров хватит «заподлицо». Несколько тысяч лет назад предки нынешних европейцев, носители галлогруппы Rb1, или, как называет их А. Клёсов, «эрбины» ворвались в Европу и вырезали всех, кто её населял; остатки – пикты (один из гипотетических предков шотландцев) и дунайские славяне (сербы), которых западноевропейцы «любят» почти так же, как русских. Похоже, Бумеранг Истории возвращается. Радоваться здесь нечему, но и особо горевать тоже: каждый выбирает свою судьбу, кismet. В этой ситуации нужно хорошо подумать – не об отмене потрясений, нет, а о том, какие соответствуют задачам выживания и побед России в XXI в., а какие нет. Направленный взрыв – только после этого и с максимально возможным учетом рисков. Пилить дерево надо так, чтобы оно упало куда надо и на

того, на кого надо. Разумеется, сказать легче, чем сделать. Остаётся уповать на «опыт, сын ошибок трудных» и на «случай – бог-изобретатель». Но случай помогает подготовленному. Мы в течение последних даже не 25 лет, а почти 50-ти, примерно с 1967 г., сначала готовились всё хуже, в 1990-е вообще перестали, сейчас, кажется, стараемся наверстать потерянное время, но как-то кособоко. Успеем ли?

На этом вопросе я поставлю точку – занавес, с надеждой, что историческая Бритва Оккама окажется в наших руках и мы найдём ей применение. Отмечу: работа Е.С. Лариной – эвристически весьма насыщена, многослойна и умна. Читаешь её и вспоминаешь некра-совское «есть женщины в русских селеньях». Анализ, представленный в статьях сборника, конкретные рекомендации – «Кто не слэп, тот видит», как говорили наши вожди – настраи-вает на оптимистический лад, по крайней мере, в грамшианской «волевой версии». «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – писало «наше всё». «Покой нам только снится», отвечал ему почти сто лет спустя тот, о ком «добрая» Зинаида Гиппиус сказала: жаль, что ему при уплотнении не подселили 12 соседей. А вот воля – это то, что нам нужно. Не во сне, а наяву, в нави, чтобы через «пороги» к нам не рванула явь – воля порвать, если необходимо, любого противника, даже превосходящего нас силой международное военно-финансово-интеллек-туальное «чудовище обло, озорно, огромно, с тризевной и Лаей» (В. Тредиаковский).

Работа Е.С. Лариной – волевая книга, и приумножает она не скорбь, а волю. По крайней мере, так воспринимаю её я.

Новые измерения жесткого противоборства

В западных СМИ, в политическом дискурсе в последние годы и буквально месяцы все чаще мелькает термин «холодная война». Он понемногу входит и в обиход российских «фабрик мыслей», выступления политиков, сообщения телевизионных и интернет служб новостей. Представляется, что возврат терминологии «холодной войны» имеет две стороны. Одна связана с удобством термина «холодная война» для понимания обществом и различными структурами власти реального состояния дел в мире, усиления конфликтов и конфронтацией как между различными странами, паттернами наднациональных элит и группами и другими общностями внутри геополитических организованностей, которыми по традиции выступают государства.

Однако есть и вторая сторона дела. «Холодная война», как известно, представляла собой вполне определенный, детерминированный историческими обстоятельствами, тип острого конфликта между мировыми капиталистической и социалистической системами. Этот конфликт базировался на географическом разнесении традиционных вооруженных столкновений с жесткой борьбой в иных регионах и сферах соперничества с использованием идеологических, экономических и иных инструментов. Д. Оруэлл, который впервые ввел в оборот термин «холодная война», сделал это в эпоху традиционных вооружений. В эту эпоху войну в прямом смысле этого слова легко было идентифицировать, опознать, установить сроки и места ее ведения, а также участников, применяемые вооружения и т. п.

Однако в современном мире все изменилось. С одной стороны появились в прямом смысле этого слова насильственные, иногда даже летальные вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия, и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. Наиболее известный пример такого типа оружия – это кибервооружение. На подходе – психофизиологическое и поведенческое вооружения и т. п.

Произошли тектонические изменения в экономической, социальной политической и иных конфигурациях мира. В докладе Центра разработки концепций и доктрин Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции – 2045» (Global strategic trends – out to 2045), опубликованном в сентябре 2014 года, особо отмечено, что ближайшие 30 лет ситуация на планете станет значительно более взрывоопасной. Количество жестких конфронтаций и локальных войн будет только возрастать.

В этих условиях термин «холодная война» описывает вчерашнюю реальность и скрывает существо дела. Суть его в том, что имеет место непрерывное, жесткое противоборство между различными акторами, которое ведется в самых различных сферах и самыми различными средствами. Наиболее точное наименование подобных процессов в новой реальности – это мировая или нечеткие противоборства.

Как отмечает ведущий военный теоретик, консультант Пентагона и правительства Израиля Мартин Ван Кревельд: «В современном мире больше нельзя провести грань между войной и миром, и в этом смысле привычные нам понятия горячей и холодной войны утратили смысл. Мир все в большей степени перманентно оказывается в ситуации непрекращающегося, но в значительной мере скрытого насилия»¹.

Соответственно можно сделать вывод о том, что массированное использование на Западе термина «холодная война» является целенаправленным семантическим воздействием, своего рода элементом рефлексивного управления российским аналитическим сообществом и политическим классом. Поэтому, используя термин «холодная война», следует

¹ <http://www.martinvancreveld.com/index.html>

помнить, что он – всего лишь обертка, внутри которой запрятано новое, принципиально иное содержание, гораздо более опасное для России.

Иногда даже искушенные аналитики за рубежом и в России делают вывод о том, что американская исключительность – это не более чем пропагандистский штамп и риторический прием. Однако, это не так. В соответствии с американской политической традицией частое использование столь значимых терминов показывает на появление принципиально новой внешнеполитической доктрины. Эта доктрина представляет собой следующий, еще более, если можно так выразиться, фундаменталистский вариант привычной концепции однополюсного мира.

Концепция однополюсного мира, лежавшая в основе практических действий на мировой арене администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего, предполагала иерархическую, пирамидальную структуру строения субъекта политического действия. На ее вершине в соответствии с завещанием, сформулированным в знаменитой книге Джона Уинтропа «Город на холме», написанной еще в 1630 году, должны находиться Соединенные Штаты. Ниже – их союзники первой руки, на еще более нижних ярусах – союзники второй руки, а в самом низу – поверженные соперники и противники, которые должны при малейших признаках неповиновения наказываться. Пирамидальная конструкция однополюсного мира предполагала наличие на всех этажах субъектов, обладающих политической волей и возможностями к действию.

Доктрина американской исключительности предоставляет право быть субъектом стратегического действия лишь США. Остальные страны, в конечном счете, должны выполнять роль инструментов в реализации исключительного права Америки устанавливать идеалы, сформулированные в ее Декларации независимости.

В уже упомянутом докладе экспертов Министерства обороны Великобритании «Глобальные стратегические тенденции – 2045» отмечено, что в прогнозируемый период Россия, скорее всего, будет оставаться сильнейшей державой европейского континента и будет сохранять значительные и боеспособные вооруженные силы для проведения региональных интервенций. Поэтому ключевой вопрос сегодня – это вопрос о неизбежности противоборства с Западом. На этот счет нет единого мнения ни в российском политическом классе, ни среди экспертно-аналитического сообщества, ни внутри субъекта стратегического действия. Тем не менее, без ответа на этот вопрос, без понимания сути процессов, глубинной подоплеку событий, невозможно использовать энергию перемен в собственных интересах. Без знания причин, единственным уделом оказывается нескончаемая борьба со следствиями, потеря темпа и, в конечном счете, проигрыш противоборств.

Положительный или отрицательный ответ на вопрос о неизбежности противоборства России и Запада в значительной степени зависит от определения причин, его порождающих. Прежде чем продолжить анализ, необходимо сделать несколько принципиальных пояснений. Противоборство – не обязательно означает войну или игру с нулевой суммой. В подавляющем большинстве случаев оно реализуется через конфликты. Конфликты же, как известно, в подавляющем большинстве случаев описывают такое взаимодействие между акторами, когда по одному кругу явлений и процессов их интересы совпадают, а по другому являются противоположными. Любой развитый конфликт – это своего рода мировойна, когда сотрудничество совмещается с соперничеством, а усилия по достижению общей цели соседствуют с принципом «победитель получает все».

Кроме того, на сегодняшний день нет достаточных документированных оснований утверждать о метафизической предопределенной изначально вражде Запада и России, российская мировая история показывает, что на протяжении столетий Россия враждовала и сотрудничала с самыми различными странами. Более того, как это часто бывает в истории, вчерашний враг сегодня становился другом, и наоборот. Это – не проявление беспринцип-

ности, а политическое следствие всеобщей диалектики мира. Еще 2000 лет назад Гераклит справедливо отметил: «Все течет, все изменяется».

С учетом отмеченных выше обстоятельств, любое, самое жесткое противоборство России с Западом в обязательном порядке включает не только поля конкуренции и борьбы, но и сферы сотрудничества и взаимодействия. Более того, в нынешней российской ситуации ставка на исключительно антагонистические отношения с Западом, рассмотрение его, как это делает ряд аналитиков, в качестве естественного вечного врага, не только авантюристично, но и самоубийственно. Любое противоборство должно быть оправдано по критерию развития. В этом плане, как показывает история, любое жесткое противоборство – есть ступень к взаимодействию на новом уровне и на иных исходных позициях. Собственно главная задача как раз и состоит в том, чтобы Россия могла получить в XXI веке свое достойное место. Сохранить идентичность и оставаться субъектом, а не объектом.

На поверхности лежат существующие столько же, сколько существуют государства, противоречия в политэкономической области, обусловленные конкретикой текущего времени, конъюнктурой межгосударственных отношений, а иногда даже особенностями личных контактов лидеров стран и блоков. Такого рода противоречия существовали, и будут существовать до тех пор, пока на международной арене имеются государственные акторы с несовпадающими интересами.

Однако реальностью сегодняшних дней является скачкообразное нарастание враждебности немалой части элиты Соединенных Штатов Америки и Западной Европы, в первую очередь, связанной с финансиализированной экономикой и поздним индустриализмом, а также немалой части правящих кругов исламского мира к России.

В определенной степени обострение противоречий и ужесточение противоборств можно объяснить тем, что мы живем в мире экспоненциально возрастающей неопределенности, динамичной турбулентности, ветвящихся и обостряющихся противоречий и конфликтов. В мире «черных лебедей»², «королевских драконов»³ и других диковинных артефактов. В мире с каждым днем все чаще фиксируются нелинейные эффекты, непредсказуемые последствия и резонансные процессы. На наших глазах усложняется, квантуется связь времен. Будущее перестает быть линейным продолжением прошлого. То, что работало вчера, не всегда справляется с задачами дня сегодняшнего, и совершенно неприменимо для решения завтрашних проблем. Исторические аналогии все больше и больше подводят. Стратегии, базирующиеся на будущем, как продленным настоящим, почти гарантировано ведут к проигрышу.

Все это происходит на фоне усложнения социальной, экономической, политической и культурной реальности. Нарастание сложности и разнообразия неминуемо ведет к расширению масштабов и обострению противоречий между различными акторами, включая государственные и негосударственные субъекты различного рода.

Однако, это серьезные, но не определяющие факторы ужесточения противоречий между Россией и значительной частью элиты США и Западной Европы. В самый последний период времени многие наиболее проникательные исследователи⁴ справедливо сделали вывод о том, что столь стремительное нарастание отчуждения и враждебности между Россией и Западом не может быть объяснено лишь конъюнктурными соображениями, и предложили свои объяснения. Глубинные причины происходящих процессов они видят в прошлом,

² Нассим Николас Талеб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М.: КоЛибри, 2014.

³ Д. Сорнетте. Как предсказывать крахи финансовых рынков: критические события в сложных финансовых системах. – М.: SmartBook, 2008.

⁴ Н. Нарочницкая. Россия и русские в современном мире. – М.: Алгоритм, 2009; А.И. Фурсов, Русский интерес. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.

в исторической традиции, в принципиальной разнице культурно-цивилизационных кодов, основных акторов сегодняшней мировой динамики.

Бесспорно, такой подход справедлив и указывает на важнейшие, скрытые движущие силы происходящих процессов. В то же время этот подход не дает исчерпывающего ответа на вопрос, почему обострение происходит столь скачкообразно и именно сегодня, а не вчера. На наш взгляд ответ состоит в том, что причины кроются не только, а в значительной степени не столько в прошлом, сколько в будущем.

Несомненная враждебность к России связана с тем, что наше нынешнее государство и общество стали результатом адаптации к мировому кризису позднего индустриализма. Мы уже прошли определенную часть своего тяжелого пути, приобрели неоценимый опыт и многому научились.

Традиционно катастрофу, постигшую Советский Союз, маркируют концом так называемого «короткого» XX века, начавшегося Первой мировой войной и закончившегося в 1991 году. В рамках подобного подхода Советскую трагедию связывают в первую очередь с внешними происками, внутренним предательством и иными причинами такого же порядка. Отсюда делается закономерный вывод о том, что СССР проиграл Соединенным Штатам в «холодной войне» и был ликвидирован. Согласно взглядам сторонников подобной точки зрения, в результате этих событий на основе СССР образовалась конфигурация государств, которым суждено в исторической перспективе лишь угасать, подобно долгой гибели обломков Римской Империи.

Известная доля правды в подобном взгляде на вещи присутствует. Однако она касается лишь поверхностных, верхних пластов исторической динамики и не ухватывает существа дела. Между тем, понимание сути крайне важно для выяснения природы, характера и целей войн в настоящем, и в ближайшем будущем.

По нашему мнению Советский Союз был наиболее сложным высокоорганизованным и низкоэнтропийным⁵ обществом своего времени. При всей отсталости некоторых секторов и отраслей хозяйства, страна обладала не только внушительным военным потенциалом, но и передовыми секторами науки и техники, развитым производством, собственным, отличным от других образом жизни населения. В этом плане крушение Советского Союза представляло в главных и сущностных своих чертах не результат поражения в «холодной войне», в том числе из-за предательства элит (это было дополнительным, ускоряющим фактором), а следствие того, что СССР первый вступил в системный кризис мировой индустриальной системы.

Как убедительно не только показали, но и статистически доказали гениальные советские исследователи В. Глушков⁶, П. Кузнецов⁷ и С. Никаноров⁸ Советский Союз, столкнувшись с кризисом сложности, разнообразия и как следствие управляемости, не смог его разрешить и в результате дезинтегрировался. При этом произошло естественное для таких процессов упрощение воспроизводственных, экономических, социальных, политических и иных структур, а также их частичная деструкция.

Если подобный подход верен, а тому есть множество документальных доказательств и расчетных подтверждений, то Россия, при всей тяжести и трудности испытаний, которые выпали на ее долю за последние 25 лет, оказалась не в арьергарде, а, как это не парадоксально, в авангарде мировой динамики. Россияне, население Белоруссии, Казахстана, не

⁵ Переслегин С.Б. Будущее, которое мы потеряли. – <http://www.archipelag.ru/authors/pereslegin/?library=191>

⁶ Глушков В.М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986.

⁷ Побискс Георгиевич Кузнецов. Идеи и жизнь. – М.: Концепт, 1999.

⁸ С.П. Никаноров. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР. – М.: ПЦ Александра Гриценко, 2012.

просто первыми вошли в фазу жизни в условиях тотального системного кризиса, но и смогли выжить, и более того, мобилизоваться и перегруппироваться перед новым мобилизационным рывком. Иными словами, Россия, как государство и социум, ее население, как многонациональный народ, являются на сегодняшний день в значительной мере продуктом адаптации к системному, мировому кризису индустриализма. Как любые продвинутые адаптанты, они получили эффективный иммунитет против системно-кризисных явлений. В силу этого Россия имеет уникальные, пока еще в полной мере не осознанные и совершенно нереализованные преимущества, связанные с умением жить и развиваться в условиях системного кризиса.

В этом плане всем другим мирохозяйственным системам и цивилизационным платформам предстоит еще пройти свой путь на Голгофу, столкнуться с жесточайшими последствиями кризиса мирового индустриализма, отягощенного деструкцией глобальной хозяйственно-финансовой системы и распадом универсального неолиберального жизненного устройства. Причем, избежать этого не удастся никому: ни Америке, ни ЕС, ни Китаю, ни Японии, ни другим странам мира.

Таким образом, геополитическая и геоэкономическая конкретика, коренящееся в исторической традиции несходство культурно-цивилизационных кодов и, наконец, принципиальная асимметрия потенциалов адаптации к существованию в условиях системного и структурного кризисов делают жесткое противостояние России и значительной части элит Соединенных Штатов обязательным условием перехода к новому миропорядку. Этот миропорядок будет формироваться на базе Третьей (Четвертой) производственной революции, скачкообразного нарастания трансграничных и межконтинентальных антропоток и формирования зон нестабильности и несостоявшихся государств.

Возникает вопрос: с кем конкретно противоборствует Россия? Зачастую противная сторона отождествляется с теми или иными странами, их союзами и даже с этническими группами или представителями тех или иных конфессий. Представляется, что это путь в тупик, поскольку поиск врагов по географическому, национальному, конфессиональному и другим подобным признакам не раз приводил нашу страну к серьезным неудачам и поражениям.

Ответ на заданный вопрос предполагает определение субъектов исторического действия. В качестве таковых выступают элитные группы и управляемые, а также взаимодействующие с ними слои и группы населения, формальные и неформальные институты и другие социальные организации. Значительная часть правящей западной элиты и контролируемые ей группы, структуры и иные организации западных обществ, связали свою судьбу с финансовизмом. Именно они являются тем субъектом исторического действия, с которым ведет противоборство формирующийся российский субъект стратегического действия.

Такой подход имеет как минимум два следствия. Во-первых, любое противоборство с какой-либо внешней по отношению к стране силой автоматически предполагает и наличие внутреннего противоборства с той или иной степенью жесткости. Те элитные паттерны и контролируемые ими группы населения и иные организации, которые объективно связывают свою жизнь с существованием финансовизма, являются такими же субъектами противоборства, как и внешние противники. Во-вторых, поскольку на Западе, так же как и на Востоке, отнюдь не все национальные и наднациональные элитные сети и управляемые (взаимодействующие с ними) группы населения и иные организации связывают свое будущее с финансовизмом и поздним индустриализмом, то они объективно являются в той или иной мере на тот или иной период времени союзниками российского субъекта исторического действия. Поэтому, используя термин «Запад», надо всегда помнить, что Россия противоборствует не с Западом как таковым, а с определенными группами в его элите и с

организованностями в населении западных стран. Сводить сложность субъектов противоборства к теоретическим концептам «народов моря и народов суши», исконно враждебным конфессиям, государствам и т. п. является пропагандистским упрощением, крайне вредным при ведении реального жесткого противоборства.

В условиях системного нарастающего кризиса глобального позднего индустриального общества финансиализированной экономики, война стала выполнять несколько иные функции, чем ранее. Она является не только и не столько способом насильственного решения различного рода противоречий между субъектами мировой политики, к которым относятся как государственные, так и негосударственные акторы, сколько способом выиграть время и ресурсы для того, чтобы выжить в условиях системного кризиса, и по возможности перейти в следующую стадию. Для этого необходимы время, технологии, ресурсы, и что крайне важно, максимальное ослабление всех потенциальных конкурентов. Причем, лучшим способом ослабления является не нанесение им тотального поражения, а лишение их субъектности. Иными словами, превращение государств и негосударственных акторов в инструменты для достижения целей победителя. В начале XXI века политики и политологи все чаще говорят о новой холодной войне. Точнее о холодной войне нового типа, которая является составной частью общего концепта современных войн.

При этом, как хорошо известно, не только из конкретной истории, но и из прикладной математики, любые конфликты в условиях слабой согласованности интересов, имеют тенденцию к эскалации, переходу к жесткому противоборству, а затем и к насилию. Именно под этим углом зрения необходимо рассматривать процессы трансформации природы войны, появление новых ее видов, форм, полей боя и пространств противоборств.

Без малого 25 лет назад подавляющая часть американской правящей элиты, как уже не раз бывало в истории, приняла желаемое за действительное.

Важные, но не критические обстоятельства, были приняты за решающие факторы и в итоге иллюзии заменили собой реальность. Характерно, что посвященная распаду Советского Союза, долгие месяцы державшаяся в числе международных бестселлеров, получившая все возможные премии и переведенная на множество языков, включая русский, книга П. Швейцера, называется «Победа»⁹. Она была написана на основе десятков интервью с наиболее высокопоставленными лицами из администрации Р. Рейгана, и частично Д. Буша-старшего, и явилась для Америки своего рода документальной летописью решающего победного сражения в «холодной войне».

Иллюзорное восприятие реальности породило выдвижение американским правящим классом новой концепции безусловного глобального доминирования и однополюсного мира. Кстати, несмотря на все многочисленные сложности последних лет, не далее как летом 2014 года Б. Обама по сути подтвердил верность этой концепции, принявшей форму тезиса об американской исключительности¹⁰.

В сфере традиционных войн доктрина глобального доминирования должна была реализовываться через сетцентрические войны. Культурно-информационное господство должно было быть обеспечено инструментарием «мягкой силы». Геополитическое превосходство должно было обеспечиваться методом «управляемого хаоса». А для жесткого политического противоборства и наказания непокорных предусматривались «цветные революции».

⁹ Петер Швейцер. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск: АБЕСТ, 1995.

¹⁰ «Американская исключительность: США настаивают на праве решать, какие народы можно бомбить, оккупировать и наказывать санкциями» – <http://mixednews.ru/archives/59576>

Прежде чем перейти к реалиям сегодняшнего дня необходимо коротко рассмотреть итоги использования указанного выше американского инструментария обеспечения мирового доминирования.

Поскольку сердцевиной принципа глобального доминирования, опирающегося на господствующую мощь, являются Вооруженные Силы США, начать анализ целесообразно с так называемой сетецентрической революции в военном деле.

В работах военных теоретиков и практиков для этого феномена имеются различные названия – сетецентрическая война (США); комплексные сетевые возможности вооруженных сил (Великобритания); информационно-центрическая война (Франция); комплексная сетевая война (Австралия); сетецентрические операции (Нидерланды). Авторами концепции сетецентрической войны считаются вице-адмирал Артур Себровски и старший офицер Джон Гарска. В 1998 году они опубликовали работу под названием «Сетецентрическая война: ее происхождение и будущее»¹¹. Статья произвела эффект разорвавшейся бомбы в военных и научных кругах США. Заложенные в ней идеи легли в основу перестройки Вооруженных Сил США.

Нельзя не отметить, что основные принципы и многие конкретные направления сетецентрического способа ведения войны были разработаны более чем за 10 лет до американцев Маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым¹². При этом, в отличие от американских теоретиков и практиков, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что речь идет не о революции в военном деле и даже методах ведения войны, а об объединении усилий средств разведки, управлении войсками и огневом поражении на основе новых методов сбора, обработки и передачи информации.

Проанализировав более чем десятилетнюю практику применения сетецентрического подхода, известные российские военные эксперты Матвиенко Ю.А., Ковалев В.И. и Малинецкий Г.Г. в своей итоговой обобщающей статье «Концепция «сетецентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка?» справедливо замечают, что сетецентрическая война – это не новое поколение войн, не революционный переворот в военном деле, она «не может определять формы и виды ведения боевых действий, а представляет собой лишь новую систему взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счет создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения и исполнителей (средства поражения), а не за счёт простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это было принято при организации боевых действий до настоящего времени»¹³.

Нельзя не отметить, что, несмотря на беспрецедентное насыщение информационными технологиями Вооруженных Сил США и союзников, реальные итоги их военных кампаний последнего времени были плачевны. Об этом говорят иракская катастрофа, малоэффективное противодействие ИГИЛ, бесславный вывод американских и союзных войск из Афганистана, агрессия в Ливии и последующее затем убийство американского посла в Бенгази и сопутствующие этому события, и т. п. Практика убедительно показала, что само по себе насыщение вооруженных сил электронными технологиями, повышение роли систем сбора, обработки и передачи информации не может принести победу на поле боя, даже в противоборстве с иррегулярными формированиями и достаточно слабыми войсковыми

¹¹ Cebrowski, Arthur K. and John J. Garstka, Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. U.S., Naval Institute Proceedings, Annapolis, Maryland. – January, 1998.

¹² «Сетецентрическая война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». – М.: ВАГШ ВС РФ, 2010.

¹³ http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/2013_05/ES2013-05-Kovalev_Malinetsky_Matvienko.pdf

подразделениями. Иными словами, сетцентрический метод ведения войны – это важный инфраструктурно-технологический компонент современной системы управления войсками и организации ведения боя, но отнюдь не эффективное средство обеспечения глобального доминирования, и уж тем более не панацея.

Обратимся теперь от сетцентрических войн к другим американским новациям последних десятилетий. Среди них выделяется системная концепция «мягкой силы», разработанная Джозефом Наем, который относится к числу наиболее влиятельных представителей американского политического истеблишмента.

В книге Дж. Ная «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике»¹⁴, вышедшей в свет в 2004 году, понимание «мягкой силы» раскрывается следующим образом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса». И далее автор подчеркивает: «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны»¹⁵.

На постах Директора национальной разведки и Заместителя Министра обороны Дж. Най пытался на практике реализовывать свою концепцию. Однако по оценкам подавляющего большинства политиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жесткой силы» на «мягкую».

Готовясь к избирательной кампании 2008 года на пост Президента, Хиллари Клинтон инициировала создание в Центре стратегических и международных исследований (ЦСМИ) (Center for Strategic and International Studies, CSIS) комиссии по интеллектуальной власти – «Bipartisan Commission on Smart Power», которую возглавили профессор Дж. Най и Р. Эрмитэдж, бывший высокопоставленный сотрудник Администрации Б. Клинтона (а до этого один из руководителей американских сил быстрого реагирования). Итогом работы комиссии стал доклад «Более умная, более безопасная Америка». В докладе впервые был использован термин «умная власть» (власть интеллекта, smart power). Публично его впервые озвучила Хиллари Клинтон в своей речи в Сенате непосредственно перед утверждением ее кандидатуры на должность госсекретаря.

В своем выступлении она сказала: «Мы должны использовать так называемую “власть интеллекта”, полный набор имеющихся у нас средств – дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных, – выбирая нужное средство или сочетание средств в каждой конкретной ситуации».

Возникает вопрос, почему столь опытный и эффективный политик, как Хиллари Клинтон для своего дебюта на посту госсекретаря, который достался ей в результате соглашения с группой, которая смогла продвинуть на пост президента мало кому известного Б. Обаму, использовала, казалось бы, скомпрометировавшую себя концепцию.

Как это ни удивительно, данный вопрос не получил своего освещения не в американских, не, тем более, в российских профессиональных публикациях. В итоге возникает странное впечатление, что возможно наиболее эффективный политик Америки при своем дебюте на посту Госсекретаря говорила совершенно избитые вещи о том, что внешняя политика должна использовать все рычаги воздействия, а культурная политика является одним из важных инструментов внешнеполитической активности. Собственно последний тезис не

¹⁴ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politic. – New York: Public Affairs Group, 2004.

¹⁵ Джозеф Най. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренд, 2006.

являлся новинкой и был хорошо известен до «мягкой силы» как минимум с 30-х годов прошлого века. Тем не менее, выбор был далеко не случаен по целому ряду обстоятельств:

- во-первых, еще в книге 1990 года «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»¹⁶ Дж. Най сделал чрезвычайно важный и принципиальный вывод о «мягкой силе». Он определили ее, как «Мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Если Соединённые Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии». Х. Клинтон уточнила это следующим образом: «Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно». Т. е. впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки;

- во-вторых, «умная власть» предусматривает использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении Америки и ее союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно, эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга;

- наконец, в-третьих, внимательный анализ доклада, подготовленного Центром стратегических и международных исследований, позволяет прийти к выводу о том, что в качестве союзников, участвующих в глобалистских акциях, рассматриваются отнюдь не только государства. В докладе указано, что на смену пирамиде с жесткой иерархической структурой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии». При этом становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства, или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия». В марксистской литературе прошлого века, после гражданской войны в Испании, такие группы называли «пятой колонной».

Дж. Най, давая в свое время формулировку источников «мягкой силы» в интервью журналу *Der Spiegel*, отмечал, что «во-первых, это культура страны – так, в Америке культурное поле простирается от Гарварда до Голливуда. Во-вторых, политические идеалы, которые могут быть очень привлекательными для других, – это и демократия, и принцип свободы слова, и равенство возможностей. В-третьих, легитимность внешней политики, под которой понимается такой образ действий правительства, который другие народы могут признать соразмерной защитой наших национальных интересов».

Вряд ли кто сегодня будет оспаривать, что все три указанных источника, что называется, полностью обмелели. В условиях перехода к широкополосному дешевому интернету Голливуду нанесен едва ли не смертельный удар. В отличие от восьмидесятых – нулевых годов практически во всех основных странах мира налицо подъем национального телевизионного кинематографа, широкая экспансия компьютерных игр, а также других национальных культурных продуктов. Что касается равенства возможностей, то сегодня это самими американцами воспринимается как издевка. В США сегодня один из самых высоких в мире уровней неравенства. Уже долгие годы все хуже работают социальные лифты. Американская мечта о чистильщике обуви, ставшем миллиардером, осталась лишь в воображении только что подключившихся к интернету жителей африканской саванны или австралийских аборигенов. С такой же, по меньшей мере, – иронией воспринимается легитимность внешней

¹⁶ Nye J., *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. – New York, Basic Books, 1990.

политики США, которая в текущем веке прошла достаточно бесславный путь от иракской и афганской авантюры до разоблачений Сноудена.

Инструментом реализации политики «мягкой», а затем «умной» силы стала концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные Стивеном Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации построений Дж. Ная. В одной из своих ключевых работ он прямо писал: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора – в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Деструктивная деятельность хакеров показала, что наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса?»

С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия, США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека».

С. Манн искренне полагал, что при помощи подобного программирования можно либо «отложить создание критического состояния, либо поощрить его, и направить развитие системы в нужное русло». При этом, «в действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор».

Особо следует подчеркнуть, что Стивен Манн не имел ни математического, ни физического образования, а был специалистом по английской классической литературе. Затем перешел на дипломатическую работу и обслуживал в основном интересы кругов, близких к Пентагону. Впервые его прикладная концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» в 1992 году в журнале военного колледжа Армии США, в томе 22 под названием «Теория хаоса и стратегическое мышление»¹⁷. Кроме своей основной работы несколько позже он опубликовал работу «Теория сложности и политика национальной безопасности» в книге «Сложность, глобальная политика и национальная безопасность», изданной Университетом национальной обороны.

В своих статьях, посвященных прикладным аспектам теории хаоса, он обслуживал пентагоновскую стратегию, связанную с крахом Советского Союза. Эта стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена еще Президентом Джорджем Бушем-старшим, и с тех пор неуклонно реализуется сменяющимися друг друга республиканскими и демократическими администрациями.

Она предусматривает, что «первая и главная цель стратегии состоит в том, чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединенные Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий. Практически они должны обеспечить условия, которые предотвратят доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»¹⁸.

¹⁷ <http://spkurdyumov.ru/what/mann/>

¹⁸ Выдержки из «Руководства Пентагона по предотвращению повторного появления нового соперника», опубликован-

Прикладная теория управляемого хаоса Стивена Манна как раз и была призвана предоставить инструментарий для деструкции территорий и ресурсных баз потенциальных кандидатов в новые сверхдержавы. В первые годы после своего появления теория в основном не выходила за пределы государственного департамента и учебных учреждений Министерства обороны США.

Ситуация изменилась с приходом к власти Администрации Дж. Буша-младшего. Вице-президент Д. Чейни и министр обороны Р. Рамсфилд всерьез восприняли дилетантские построения С. Манна. Это тем более удивительно, что именно в Соединенных Штатах расположен Институт сложности в Санта-Фе, который является одним из мировых лидеров в сфере изучения нелинейных, неравновесных процессов. Более того, в этом институте Стивен Манн выступал несколько раз со своей концепцией и был жесточайшим образом раскритикован. В результате дилетантизма, воцарившегося в Вашингтоне в последние десятилетия, пропагандист-популяризатор последовательно направлялся на работу в ряд ключевых горячих точек. Итоги его работы там говорят сами за себя.

Подавляющая часть проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время Соединенные Штаты в самых разных уголках планеты, от Египта до Ирака, от Нигерии до Афганистана, является результатом их же собственных неразумных, авантюристических действий, в значительной степени связанных с реализацией стратегии «управляемого хаоса».

Теория хаоса – это не что иное, как общеупотребительное название теории динамических, стохастических, нелинейных систем. Отличительной особенностью этой теории является то, что она научилась выделять широкий круг существующих в природе и обществе систем и процессов, которые характеризуются высокой неустойчивостью и неопределенностью. Как правило, эти характеристики присутствуют не всегда, а появляются лишь на определенной стадии существования системы. Эти стадии называют еще самоорганизованной критичностью, режимом с обострением, повышенной турбулентностью и т. п.¹⁹ Названия разные, но суть одна. Будущее таких систем практически невозможно предсказать. Более того, выбор того или иного варианта дальнейшего существования системы в немалой степени случаен. Еще более важно то обстоятельство, что малые воздействия на систему порождают очень большие последствия. Причем, как говорят математики, зависимость между функцией и аргументом имеет не одно, а много решений. Т. е. оказывая малое воздействие, никогда наперед не знаешь, какой будет результат.

В общем, все это азы математики, синергетики, теории сложности. Однако в мире, где пропагандисты выступают в роли аналитиков и обслуживают дилетантов-политиков, незнание базовых принципов используемых методов чревато разрушительными последствиями. Что, собственно, и проявляется в большинстве внешнеполитических акциях США последнего времени.

Любой выпускник приличного университета или человек, поварившийся в бизнесе, военном деле, или побывавший в горячих точках, если задать ему вопрос об управляемом хаосе, не колеблясь, ответит, что речь идет об оксюмороне. Хаос можно организовать или создать, но управлять им еще никто не научился в силу изложенных выше обстоятельств. Поэтому после каждого вмешательства американцев остаются фэйл стейт и зоны перманентных боевых действий, типа Сомали, Йемена, Афганистана, Ирака и других стран Ближнего Востока, лесных районов Колумбии и т. п. В свою очередь, в последующем эти регионы становятся рассадниками мирового терроризма, наркотрафика, работорговли, торговли оружием и т. п. И все это, так или иначе, проникает в Америку и Европу. В общем, концепция

ные газетой New York Times 08.03.1992 г.

¹⁹ Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. – СПб.: Алетей, 2002.

управляемого хаоса обернулись вторжением хаоса в сами Соединенные Штаты и другие страны Запада.

Надо сказать, что американский истеблишмент, несмотря на множество сложностей и недостатков, способен быстро учиться на собственных ошибках и извлекать уроки не только из чужих, но и из своих неудач. Поэтому в начале десятих годов теория С. Манна стала подвергаться уничтожающей критике в самих Соединенных Штатах, и была фактически снята с вооружения в качестве одного из основных внешнеполитических методов.

Еще одним до поры до времени эффективным методом реализации стратегий «мягкой», а затем «умной» силы были «оранжевые», «цветные» революции, базировавшиеся в первую очередь на комплексе работ Джина Шарпа о так называемых «ненасильственных революциях». Фактически Джин Шарп поставил перед собой задачу классифицировать, кодифицировать и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в истории методы ненасильственных действий. В итоге, в своей работе «Power and Struggle (Politics of Nonviolent Action, Part I)» («Власть и борьба (Политика ненасильственных действий, часть I)»), изданной еще в 1973 году, он выделил 198 методов ненасильственного протеста и убеждения.

Теория Шарпа всегда носила некий флер мошенничества. Ведь начиная ненасильственные действия, оппозиция, революционеры и гражданские активисты всегда провоцируют власть на неоправданное насилие или на неадекватное насилие. А когда это происходит, выдвигают лозунги о необходимости вооруженной борьбы с «кровавой» властью. Поэтому грань между ненасилием и вооруженным мятежом часто отделяет полшага. Если власть не делает ошибок, то ей помогают это сделать. В принципе, такие провокационные методы известны давно. И не Шарп их основоположник. Достаточно вспомнить деятельность Парвуса во время Русской революции 1905 года.

Особенностью сегодняшнего момента в переходе от ненасилия к вооруженному мятежу и перевороту является использование современных информационных технологий. Онлайн трансляции с места событий втягивают в сами события мгновенно огромные массы людей. Недавний пример арабских революций и Майдана тому подтверждение.

Не так давно в ведущем учебном центре по подготовке специалистов по «оранжевым» революциям, во Флетчеровской школе Университета Тафтса, США совместно с ведущим центром по разработке методов сопротивления власти – Международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC) была проведена в полужакрытом режиме большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра».

Работа конференции была выстроена вокруг обсуждения докладов. Стефан и Э. Ченовез «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict». В докладе были изложены результаты статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985–2013 годы. По итогам анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55 % зафиксированных случаев, в то время, как военные противостояния власти имели успех только в 28 %. В итоге был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооруженное противостояние с властью».

Однако наряду с этим привычным выводом, на конференции выяснилось, что в течение последних 15 лет наибольшую эффективность показали смешанные стратегии, которые имели успех почти в 70 % случаев. К смешанным стратегиям относились гражданские ненасильственные кампании, которые сопровождались либо угрозой силового противостояния с властью, либо с точечными конкретными вооруженными акциями. Соответственно был сделан вывод о необходимости разработки теории, а главное детального практического инструментария для гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти.

Недавно один из самых известных американских генералов Стэнли МакКристелл, относимый к числу наиболее влиятельных военных мыслителей, на презентации своей книги «My Share of the Task: A Memoir» сказал: «Если наши силы специального назначения, морская пехота, армия, флот, сухопутные войска справляются со своими задачами, то их усилия полностью сводятся на нет политиками и экспертами. У нас негодная доктрина противоборства. Пора засучить рукава и браться за разработку новой».

Изложенное выше полностью относится и к теме формирующейся военной доктрины США и Запада в целом. В конденсированном, целостном виде она не представлена на сегодняшний день ни в одном открытом, в т. ч. платном источнике. Поэтому попробуем осуществить сборку сведений о формирующейся доктрине, ее инструментарии и методах из тех фрагментов, которые можно обнаружить в различных, в том числе неожиданных источниках.

В рамках формирования новой военной стратегии генерал Ф. Бридлав, бывший командующий НАТО в Европе, дал развернутое интервью ведущей германской газете Die Welt. В нем он в частности сказал: «Наша большая проблема на самом деле – новый вид ведения войны. Мы работаем над этим... На военном жаргоне это называется DIME: дипломатия, информация, вооруженные силы, экономика»²⁰.

Ф. Бридлав впервые на официальном уровне презентовал DIME-войны для широкой публики. В 2014 г. австралийский Институт стратегической политики, один из основных «мозговых танков» в сфере стратегической и тактической военной мысли на Западе провел конференцию «Стратегия и ее недостатки». В конференции участвовали ключевые австралийские политические деятели, включая членов правительства, старшие офицеры вооруженных сил, эксперты и аналитики из Австралии, США, Великобритании, Южной Кореи. В ходе конференции был выработан новый подход к военным конфликтам. По мнению участников конференции, западные страны должны взять на вооружение концепцию «комплексных насильственных противоборств». Согласно материалам конференции эти комплексные противоборства должны включать в себя как единое целое политическое силовое доминирование, военные конфликты в традиционном виде, информационные операции, меры по финансово-экономическому принуждению противника к миру на условиях западных стран²¹.

Ключевым для понимания формирующейся доктрины является материал, подготовленный четырехзвездочным генералом, бывшим командующим союзными войсками в Афганистане, ныне одним из руководителей института Брукингса Джоном Алленом и генерал-лейтенантом в отставке, известным военным теоретиком, членом совета директоров нескольких крупнейших корпораций Дэвидом Дептулой к конференции, проведенной Брукингским институтом и фондом Петера Петерсона «A New US Defense Strategy for a New Era: Military Superiority, Agility, and Efficiency. 2»²². В материале впервые вводится концепт «DIMET-операций на основе эффектов как основном типе гибридных войн обозримого будущего».

Рассмотрим этот концепт более подробно. Аббревиатура DIMET означает – дипломатия, информационные операции, вооруженные силы, экономика, включая финансы, и технологии. Как нетрудно заметить, это расширенная версия концепции, публично обнародованной генералом Ф. Бридлавом.

Использование термина «операции на основе эффектов» связывают новый подход с одним из господствующих направлений военной мысли и практики на Западе. Впервые кон-

²⁰ http://www.welt.de/print/welt_kompakt/article131322212/Keine-Nato-Nation-will-Eingreifen.html

²¹ Strategy and its discontents: The place of strategy in national policy making. – ASPI, Sydney, 2014.

²² A New US Defense Strategy for a New Era: Military Superiority, Agility, and Efficiency, November 2012.

цептуальные основы и практические формы реализации «операций на основе эффектов» были разработаны полковником ВВС США Джоном Уорденом в ходе подготовки операции «Буря в пустыне». В развернутом виде этот подход получил название «Теории пяти колец», которая была впервые опубликована в статье «Враг как система» в 1995 году²³.

Концепция «операций на основе эффектов» построена на уникальной модели современного государства нации, представляющей собой структуру из пяти концентрических колец. Центральное кольцо или круг олицетворяет лидеров и руководящие органы государства, наиболее критический и важный элемент, окруженный и защищенный четырьмя остальными. Во второе кольцо входят производственные объекты и структуры, которые в значительной мере определяют национальную мощь. Третье кольцо – это логистическая, транспортная и энергетическая инфраструктуры. Четвертое кольцо – народонаселение и основные формы его деятельности. И наконец, пятым, внешним кольцом являются вооруженные силы²⁴. В рамках «операций на основе эффектов» реализуется принцип «изнутри – вовне». Иными словами, чем ближе к сердцевине пяти кругов нанесен удар, тем быстрее, с меньшими затратами ресурсов и большими результатами может быть завершён конфликт.

В начале нынешнего века генерал Дэвид Диптула, один из авторов рассматриваемого новой концепции значительно расширил теорию и практику войны «пяти колец» или «операций на основе эффектов». В своей работе он предложил рассматривать военный конфликт не только в сфере традиционных военных действий, но и включить дипломатический, информационный и экономический аспекты. Он предложил рассматривать врага как целостную систему и главной целью операции ставить разрушение связей внутри этой системы. По его мнению «это расширенное представление обеспечивает более эффективные пути к достижению национальных целей и позволяет рассматривать формирование среды для сведения любой острой проблемы к минимуму в интересах США»²⁵.

Применительно к материалу Д. Аллена и Д. Диптулы осталось рассмотреть концепт гибридных войн. В настоящее время этот термин крайне популярен среди военных – практиков и теоретиков. Она завоевала признание экспертного сообщества, а в последнее время, в том числе в связи с событиями в Ливии, Сирии, Украинским кризисом широко используется и в средствах массовой информации. Франк Хофманн, один из авторов концепции гибридных войн, характеризует их как «полный арсенал различных видов боевых действий, включая конвенциональные возможности, иррегулярную тактику и формирования; террористические акты, включая беспорядочное насилие и криминальные беспорядки. Гибридные войны могут вестись как государствами, так и различными негосударственными акторами»²⁶. С каждым годом термин «гибридные войны» трактуется все более расширительно. В частности, в приведенном выше интервью Ф. Бридлава прямо говорится, что «DIME-конфликты – это и есть современные «гибридные войны». По сути, все возрастающее большинство, в первую очередь, практиков военного дела понимают под «гибридными войнами» любые насильственные конфликты, в которых соединились физическая и психологическая, военная и невоенная составляющие. Если раньше можно было четко отделить друг от друга политическое принуждение и вооруженные столкновения, обычную войну и террористические операции, финансово-экономические диверсии и партизанскую герилью, то сегодня все смешалось в некое единое, подчас неразделимое целое.

²³ Warden J., The Enemy as a System, Airpower Journal 9, no. 1. (Spring 1995).

²⁴ Савин Л.В. Сетевая и сетевая война. Введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011.

²⁵ Deptula David A., Effects-Based Operations: Change in the Nature of Warfare, Arlington, VA. – Aerospace Education Foundation, 2001.

²⁶ Hoffman, Frank G., Future Threats and Strategic Thinking, Infinity Journal, № 4, Fall 2011.

Хотелось бы обратить внимание и на еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. В своем материале авторы критикуют американских военных теоретиков и практиков за отставание по сравнению с военными мыслителями из других стран. В частности они указывают, что понимание войны как комплексного конфликта, ведущегося во всех сферах возможного противоборства, было еще в 1999 году сформулировано двумя китайскими генералами Куиао Лиангом (Qiao Liang) и Вангом Хянгуи (Wang Xiangsui) в знаменитой книге «Война без правил» («Unrestricted Warfare»). Это понимание легло в дальнейшем в основу разработки практических мероприятий по ведению жесткого противоборства НОАК. В 2009 году о необходимости принятия на вооружение армией Израиля концепции системного, превентивного противоборства, включающей армейские, политические, информационные, включая кибернетические, и экономические аспекты, говорил известный израильский политический деятель, министр обороны Эхуд Барак.

С учетом изложенного необходимо сделать один весьма важный и принципиальный практический вывод. До последнего времени некоторые российские военные теоретики и практики считали использование термина «война» применительно к информационным, экономическим, технологическим противоборствам не допустимым для серьезных аналитиков, позволительным только для публицистов и журналистов. Однако в нашем переменчивом мире в очередной раз оказалось, что действительность опровергает застоявшиеся точки зрения. Это, кстати, отлично понимали и классики стратегии, которые, например, как Клаузевиц, сравнивали войну с «изменчивым хамелеоном» или Сун-Цзы, описывавшим ее при помощи метафоры «переменчивого и стремительного потока воды».

Реалией сегодняшнего дня является то, что жесткие, силовые, информационные, финансово-экономические, политические, технологические противоборства в полном и прямом смысле стали войнами. А если что-то похоже на утку и крикает как утка, то это наверняка утка, а не поросенок. Поэтому всегда лучше называть вещи своими именами.

В этой связи, особенно принимая во внимание перетекание акцентов насильственных конфликтов из материально-вещественной формы в информационную, представляется важным не в умозрительно-теоретическом, а в практически-прикладном плане разобраться с феноменом информационных войн.

В этой сфере и у нас, и за рубежом подчас наблюдается значительная путаница. Например, даже один из основоположников теории информационных войн и разработчиков их практических аспектов М. Либитски выделяет то пять, то семь видов информационной войны²⁷.

Представляется, что и в практическом, и в содержательном плане можно выделить три основных типа информационных войн. Это – ментальные или психологические войны, кибервойны и поведенческие войны.

Ментальные (психологические) и кибервойны разделяются по объектам и средствам боевого воздействия.

Ментальные (психологические) – это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идет борьба за умы, ценности, установки и т. п. Ментальные войны велись задолго до интернета, насчитывают историю, измеряемую даже не сотнями, а тысячами лет. Интернет просто перевел эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштабы и эффективности.

Что же касается кибервойн, то это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов, на материальные объекты и их системы.

²⁷ Martin C. Libicki, *Cyberdeterrence and Cyberwar*. – RAND Corporation, 2009.

Бывший высокопоставленный чиновник, а ныне эксперт по безопасности Правительства США Ричард А. Кларк дал такое определение: «Кибервойна – это действие одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения»²⁸.

По де факто сложившемуся, но юридически не закреплённому мнению подавляющего большинства военных и специалистов по информационной безопасности (вне зависимости от их страновой принадлежности) под кибервойнами понимают целенаправленные действия по причинению ущерба, перехвату управления или разрушению критически важных для функционирования общества и государства сетей и объектов, производственной, социальной, военной и финансовой инфраструктуры, а также роботизированных и высокоавтоматизированных производственных, технологических линий и т. п.

Ментальные и кибервойны представляют собой две разновидности войн, ведущихся в сетевом электронном пространстве, которое охватывает не только интернет, но и закрытые государственные, военные, корпоративные и частные сети. Для каждого из этих двух типов войн свойственны свои инструментариум, методы, стратегии и тактики ведения, закономерности эскалации, возможности предупреждения и т. п.

Отдельная тема – это поведенческие войны. В настоящее время практически невозможно найти западных публикаций, посвящённых данной теме. В значительной степени это связано с её чрезвычайной деликатностью, в том числе для западного общественного мнения. Кроме того, возможности ведения полноценных поведенческих войн появились лишь недавно в связи с накоплением огромных массивов объективной информации о человеческом поведении, в том числе поведении социальных и иных групп сколь угодно большой размерности. Эти сведения в основном содержатся в интернете, который по факту является огромным поведенческим архивом.

Возможности поведенческих войн связаны с инструментариумом, разрабатываемым на стыке когнитивных вычислений, Больших Данных и междисциплинарного комплекса поведенческих наук. Давно и хорошо известно, и особый вклад внесли в это российские психологи, что человеческое поведение в значительной мере зависит не только от наших представлений, ценностей, убеждений, а в немалых своих компонентах базируется на стереотипах, привычках, поведенческих паттернах, а также складывается под воздействием формальных и неформальных институтов.

Доказано, что человек по своей психофизиологии склонен как любое живое существо к решению задач с по возможности меньшей затратой энергии и других ресурсов. Поэтому, как неопровержимо установили исследователи, значительная часть нашего поведения осуществляется в своего рода полуавтоматическом режиме, на основе привычек и стереотипов²⁹. Это касается не только элементарных поведенческих функций и стандартных жизненных ситуаций. Наши привычки, поведенческие паттерны, культурные стереотипы и т. п. оказывают серьёзное воздействие даже в сложных ситуациях выбора, казалось бы, требующих глубоких размышлений и мобилизации ресурсов сознания³⁰.

Хорошо известно, что человеческая деятельность не сводится к человеческой психологии или работе психики. Она в значительной мере носит социальный характер. На протяжении практически 50 лет этот тезис успешно доказали на основе огромного массива впечатляющих экспериментов в первую очередь советские психологи³¹. Сегодня на основе в том

²⁸ Ричард А. Кларк. Кибервойна. – М.: Эксмо, 2010.

²⁹ Ч. Дахигг. Сила привычки. Почему мы живём и работаем именно так, а не иначе. – М.: Карьера Пресс, 2014.

³⁰ Cass R. Sunstein, *Why Nudge? The Politics of Libertarian Paternalism* (The Storrs Lectures Series). – Yale University Press, 2014.

³¹ А. Леонтьев, А. Запорожец, П. Гальперин, Д. Эльконин. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, 2005.

числе и их исследований, с привлечением огромных массивов данных о реальном поведении людей в различных ситуациях, их привычках, склонностях и реакциях и разрабатывается арсенал принципиально нового вида информационных войн – поведенческих войн.

В их сердцевине лежит манипулирование вложенными в нас социумом, а также собственной биографией и культурной средой, алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности и т. п. Грубо говоря, инструментарий поведенческих войн состоит в том, чтобы отделить привычку от сложившегося вида деятельности, сформировавшей ее ситуации, и использовать поведенческие паттерны для достижения иных целей. Это категорически не ментальные войны, которые велись, как отмечено выше, на протяжении всей человеческой истории.

Поведенческое оружие – это оружие завтрашнего дня. Именно под него заточен только что пущенный в эксплуатацию супергигантский по своей информационной емкости, центр АНБ в штате Юта, аккумулирующий массивы поведенческой информации, охватывающие все страны мира и все континенты. Именно на этот не только не афишируемый, но и засекреченный новый вид вооружений возлагаются частью американских элит наибольшие надежды в жестких противоборствах ближайшего будущего. Именно тема поведенческих войн в наибольшей мере табуирована и засекречена в мировом информационном пространстве. Более того, известно, что ведущие американские средства массовой информации, наиболее популярные блоггеры и т. п. получили из Вашингтона негласную рекомендацию: при появлении каких-либо материалов на тему поведенческих войн дискредитировать их любыми доступными средствами, начиная от обвинений в конспирологии, и заканчивая доказательством о якобы технологической невозможности ведения поведенческих войн³².

В режиме реального времени все более четко проступает новое лицо войны. Войны становятся с одной стороны все более опасными, сложными и деструктивными. С другой – они, как и предвидели это великие мыслители Д. Оруэлл и С. Лем, становятся все более трудно определяемыми, маскирующимися под мир. На наших глазах стирается граница между войной и миром и формируется, по крайней мере, на обозримое будущее новая реальность – войномира или мировойны. В этой, неудобной, жестокой и некомфортной реальности предстоит жить России. Ей сегодня, а тем более, завтра, будут брошены прямые и жесткие вызовы, созданы новые, в том числе непривычные, угрозы.

В ландшафте неминуемо разворачивающегося системного кризиса индустриализма в его поздней стадии финансизма, любые жесткие насильственные противоборства неизбежно приобретают характер войн за будущее. Такого рода войны ведутся во имя решения трех задач.

Во-первых, для выигрыша времени, необходимого для нахождения путей выхода из кризиса. Войны за время – это самые жестокие войны, поскольку во многих случаях они предполагают лишь одного выжившего, забравшего себе временной ресурс всех проигравших.

Во-вторых, это войны за ресурсы, в том числе не только за полезные ископаемые, производственный потенциал и т. п., но и во все возрастающей степени, за воду, другие рекреационные ресурсы, нетронутые территории, которые могут стать основой новых техноценозов и т. п.

В-третьих, войны, главной целью которых становится не обладание каким-либо ресурсом, а десубъективизация противника, превращение его из активного, деятельного актора, играющего свою роль в мировой политике, а главное, имеющего собственное культурное и цивилизационное лицо, в объект, инструмент для решения тех или иных задач победителя военного конфликта.

³² Е. Ларина, В. Обнинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014.

Новые вызовы и угрозы России требуют не пустого теоретизирования, не выдвижения самых правильных лозунгов, остающихся зачастую лишь словами, а конкретных практических, можно даже сказать технологических, во всех смыслах этого слова, ответов. Эти ответы должны носить асимметричный, неожиданный и непросчитываемый характер и приносить нашей стране победу в любых, даже самых сложных и жестких противоборствах, происходящих, в том числе, в максимально неблагоприятной обстановке.

В нынешних конкретно-исторических условиях Запад (с учетом отмеченной выше условности применения данного термина) в рамках проведения DIMET-операций на основе эффектов в форме гибридного противоборства против России, главные усилия сосредоточил на экономическом и технологическом измерении.

Огромные надежды в сфере информационного противоборства связываются на Западе с практическим задействованием инструментария поведенческих войн. Однако пока в этой сфере осуществляются завершающие подготовительные мероприятия и экспериментальные практические апробации скрытых поведенческих воздействий в разных регионах, на разных группах населения и других организованностях. Широкое применение этого вида вооружений – дело ближайшего будущего в горизонте двух-трех лет³³.

В этих условиях фактически безальтернативными полями противоборства стали экономика и технологии. Традиционным инструментом, используемым в этих сферах, является механизм санкций.

Этот механизм в том или ином виде действует уже более 200 лет. Впервые он, как специальный юридический и организационный механизм, был использован британским правительством Уильяма Питта против Наполеона в форме так называемой «континентальной блокады»³⁴.

Теме экономических и технологических санкций посвящено огромное количество работ. Она постоянно находится в поле зрения политиков, военных, стратегистов. Обсуждается на многочисленных открытых и закрытых конференциях. Наибольшим авторитетом на Западе в этой сфере обладают Г. Хофбауэр, Д. Скотт и К. Эллиотт, а также Б. Тейлор. Они являются авторами основополагающих трудов, посвященных теоретическому и эмпирическому анализу санкций за последний век³⁵. Эти книги, по сути, являются настольными руководствами для лиц, принимающих решения, в столицах стран Запада и Японии.

Всего в новейшей истории санкции используют достаточно часто: в 1950-х годах – 15 раз; в 60-х – 21; в 70-х – 37; в 80-х – 23; в 90-х – 54; в нулевых – 67 раз³⁶. В подавляющем большинстве случаев, особенно в 50–70 годы санкции применялись в одностороннем порядке Соединенными Штатами. Начиная с 80-х годов санкции, как правило, вводились Соединенными Штатами по согласованию с союзниками по НАТО, а затем странами ЕС и Японии.

К настоящему времени среди представителей западного разведывательного, политического и аналитического сообществ сложился консенсус относительно долгосрочной эффективности санкций. Признано, что они, бесспорно, имеют потенциал как инструмент воздействия на противоборствующую сторону, но лишь в исключительных случаях могут принести победу в противоборстве. Согласно консенсусному мнению, бесспорным примером успеха санкций является только случай падения режима апартеида в ЮАР и перехода власти к представителям коренного населения страны. Большинство экспертов сходятся также на том,

³³ Е. Ларина, В. Обнинский. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014.

³⁴ Е. Тарле. Наполеон. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957.

³⁵ Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott, *Economic Sanctions Reconsidered*. – Peterson Institute for International Economics, 2009. Brendan Taylor, *Sanctions as Grand Strategy*. – Routledge, 2010.

³⁶ Gary Clyde Hufbauer, Jeffrey J. Schott, Kimberly Ann Elliott, *Economic Sanctions Reconsidered*. – Peterson Institute for International Economics, 2009.

что санкции, прежде всего, связанные с тотальным ограничением экспорта энергетических ресурсов, а также с отключением от мировой финансовой системы, весьма негативно сказались на экономике Ирана и, в конечном счете, стимулировали определенные подвижки во внутренней и внешней политике страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.